

Кэтрин Харт

Падший ангел

Дуэт

Кэтрин Харт

Падший ангел

Харт К.

Падший ангел / К. Харт — — (Дуэт)

Если бы не трагическая гибель отца, любящие друг друга Джекоб Бэннер и его сводная сестра Виктория никогда бы не смогли быть вместе. Но несчастья еще не закончились, и, чтобы преодолеть их, Джейку и Тори понадобится вся сила их любви...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	32
ГЛАВА 6	37
ГЛАВА 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кэтрин Харт

Падший ангел

ГЛАВА 1

Была глубокая ночь. До рассвета оставалось еще два часа, когда Джейк Бэннер подъехал к своему ранчо. Он смертельно устал и так торопил коня, что почти загнал его. Меньше чем за пять дней он проделал путь, который обычно занимал все семь, и вот он здесь.

Предутренняя темнота скрывала размер нанесенного хозяйству урона. Со всей определенностью можно было сказать: «Да, здесь случился пожар». Однако на первый взгляд ранчо смотрелось не так уж и плохо. Основная часть дома сохранилась и казалась почти такой же, какой он видел ее в последний раз. Сарай и конюшни вроде не были затронуты.

Стараясь поменьше шуметь, чтобы никого не всполошить своим приездом, он поставил лошадь в конюшню, затем тихо вошел в дом.

Крадучись, пробрался через кухню и так же воровато двинулся было через холл к главной комнате, которую Кармен всегда называла залой.

Вдруг в спину ему ткнулось дуло ружья, вынудив резко остановиться.

– Ты уже далеко зашел, странник, – раздался сзади грозный рык. – Руки вверх! Только не дергайся!

– Джилл, это ты? – с надеждой спросил Джейк, по голосу вроде бы признавая старшего работника.

– Джейк?

– Да.

– Дьявол тебя заberi, парень! Какого черта ты крадешься, как вор в ночи?

Джилл опустил ружье, и Джейк обернулся к нему.

– Да вот, понимаешь, только что приехал и не хотел перебудить весь дом... – объяснил Джейк громким шепотом, досадуя, что Джилл так легко засек его. Должно быть, устал больше, чем думал, если его сразу же захватили врасплох. – Не ожидал, что ты в такой час бродишь, как сторожевой пес.

– Я вроде как слежу тут за домом, пока тебя нет.

– Как там Кармен? – Джейк не был уверен, что хочет услышать ответ, но рано или поздно он все равно узнает. Он едва помнил свою собственную мать, зато мачеху любил так нежно, как будто это она произвела его на свет. Она и Тори, его юная сводная сестра, очень много для него значили.

В темноте холла он едва смог различить, как Джилл покачал головой.

– Плохо, Джейк. По-настоящему плохо. Док тор говорит, что не знает, как она вообще столько протянула. Главная беда – ее легкие. Наглоталась дыма и сейчас еле дышит, все время кашляет. Вся слабая, как слепой котенок.

– А ожоги? Сильно обожглась?

– В основном руки и ноги. Случилось-то это ночью, впопыхах она и не сообразила надеть что-нибудь на ноги. А руки сожгла, когда пыталась открыть комнату твоего отца. Дверь там, даром что толстая, была как раскаленная сковорода.

– С чего начался пожар?

Джилл вздохнул и снова горестно покачал головой.

– Точно не знаю, но мы думаем, что твой папаша, может, снова курил в постели и уронил пепел от сигары или что-то в этом роде. Все слишком обуглилось, чтобы разобраться, но, судя по всему, занялось в комнате твоего отца. Она пострадала больше других.

У Джейка навернулись на глаза слезы, но он сморгнул их.

– Старый упрямец. Кармен столько раз предупреждала его, да разве он слушался, – хрипло сказал он. И спустя мгновение тихо добавил: – У него ведь не было никакого шанса выбраться из этой комнаты?

Джилл покачал головой. Они помолчали, вспомнив своенравного старика: властно управлял он здесь, не слезая с инвалидного кресла-каталки. Рой Бэннер держал свое ранчо, прозванное им «Ленивое Би», железной рукой, и Джейка всегда удивляло, почему он окрестил свое хозяйство ленивым, когда так тщательно все обустроил и продолжал обустраивать, чтобы ни одна живая душа, ни человечья, ни животная, не имели ни единой праздной секунды.

А теперь этот сварливый старик ушел навсегда и больше никогда не повысит голос, отдавая очередной приказ всем и вся.

– Ну ладно, – неловко прервал молчание Джилл, – почему бы тебе не поспать?

– Где? – спросил Джейк, не зная, какая часть дома осталась живой.

– Твоя старая комната в порядке, комнаты мисс Виктории тоже. Пострадало лишь то крыло, где жил хозяин. Правда, в доме еще пахнет дымом. Гостевые тоже в полном порядке. Мы поселили хозяйку в большой комнате рядом с твоей.

Джейк кивнул.

– Спасибо, Джилл. Думаю, сначала я погляжу на Кармен и скажу Тори, что я дома.

– Хм, – Джилл почесал в затылке и переступил с ноги на ногу. – Мисс Тори здесь нет, Джейк. За Кармен присматривает Роза.

Джейк круто обернулся и недоумевающе уставился на Джилла.

– Что значит «Тори здесь нет»? А где она?

– Она все еще в монастыре. Насколько мы знаем...

Джейк нахмурился.

– Ну а когда она приедет домой? Почему до сих пор не приехала?

Джилл беспомощно пожал плечами.

– Я точно не знаю. Мы сразу туда сообщили, тогда же, когда и тебе, а потом еще раз, но она ни на одно письмо не ответила. Не похоже это как-то на мисс Тори, неужели же не нашла бы времени для своей мамы, раз она знает, как ей плохо и как зовет она свою доченьку?

– Нет, на Тори это не похоже, – нахмурившись, согласился Джейк, почувствовав себя более или менее в курсе. – Пойду взгляну, как там Кар мен. А ты сходи разбуди Зика и пришли его сюда. Пускай съездит в монастырь и отвезет еще одно письмо. Я напишу его сам, и так, чтобы Тори поняла, насколько все серьезно с ее матерью. Может быть, она не осознала, как ей плохо.

– Джейк... Джейк, – нерешительно проговорил Джилл, – она должна знать, что дела плохи. Мы похоронили твоего отца пять дней назад. Куда же хуже?!

Джейк с мрачным лицом кивнул.

– Давай, присылай ко мне Зика.

Джейк тихонько, на цыпочках, прошел в комнату для гостей, где спала Кармен. Кивком поздоровавшись с Розой, он приблизился к кровати, на которой лежала женщина, бывшая ему единственной матерью, самым дорогим для него существом. Выглядела она ужасно. Даже во сне ее изрезанное морщинами лицо было искажено болью. Он никогда не видел Кармен такой бледной. Ее черные волосы стали какими-то серыми, хотя прошел всего год с тех пор, как он ее видел. Тусклые пряди были неряшливо зачесаны назад. Роза, или кто-то еще, умыла ее и передела в чистую рубашку, и по крайней мере за это Джейк был им благодарен.

Он перевел взгляд на ее руки, перевязанные и напряженно лежавшие вдоль тела. Надо полагать, прикрытые тонкой простышкой ноги выглядят так же. Джилл сказал, что доктор наезжал и смотрел за ней.

Но в эту минуту Джейка больше всего встревожило ее дыхание, таким оно было хриплым и затрудненным. Свистящий шум его разносился на всю комнату. Только раз в своей жизни Джейк слышал такое дыхание, и, хотя память об этом он старался от себя гнать, воспоминание внезапно вернулось к нему со всей отчетливостью. Так дышала его настоящая мать перед тем, как умереть. Этот звук напугал его тогда, когда ему было семь, и теперь, двадцать лет спустя, он напугал его еще больше. Он прикрыл глаза, стараясь вернуть себе самообладание.

– Господи Боже, я не хочу терять тебя, мамачита, – тихонько взмолился он.

– Джейк, – голос был тонким, хриплым, но он услышал и, открыв глаза, увидел, что она ошеломленно смотрит на него.

– Я здесь, мама, – как можно спокойней проговорил он. – Я дома и обо всем позабочусь.

– А как твой отец? – спросила она и зашлась в приступе кашля, отчего Роза сразу кинулась к постели.

Поймав взгляд Джейка, Роза нахмурилась и покачала головой. Он догадался без слов: Кармен еще предстояло узнать о смерти Роя.

Когда кашель прошел, Кармен обессиленно откинулась на подушки, которые были высоко подложены ей под голову, чтобы облегчить дыхание. Быстро наклонившись, Джейк поцеловал ее в щеку.

– Я обо всем позабочусь, мамачита. А ты думай только о том, чтобы выздороветь. Ни о чем не беспокойся.

– А Тори? – жалобно просвистел ее голос.

– Приезжает. Успокойся. Она скоро здесь будет, – пообещал Джейк.

«Или я выясню, почему ее нет», – мрачно добавил он про себя.

Джейк проснулся от легкого стука в дверь спальни. Обернувшись простыней, он поднялся и пошел открывать. Снаружи с обеспокоенным лицом стояла Роза.

– Сеньор Джекоб, мне очень не хотелось вас тревожить, но Зик только что вернулся из монастыря. Как вы ему и велели, он настоятельно просил лично поговорить с сеньоритой Тори и отдать ей вашу записку. Он говорит, что ему отказали в свидании с ней. Записку взяли, но на переговоры ее не вызвали. Я знаю, предполагалось, что он привезет ее домой. Он очень огорчен, что подвел вас, но сделать ничего не мог. Как нам теперь быть?

Джейк протер глаза и попытался проснуться окончательно.

– Я позабочусь об этом, Роза. Скажи Зику, я его не виню. Он старался. Полагаю, я сам возьму быка за рога. Отправлюсь туда и разберусь, в чем там проблема.

Сдерживая раздирающую рот зевоту, он спросил:

– Который сейчас час? Как там Кармен?

– Сейчас чуть больше полудня, – ответила она, подтвердив его подозрения, что времени ему на отдых пришлось слишком мало. – Сеньора Кармен отдыхает, ей получше. Теперь, когда вы здесь и обо всем позаботитесь, она станет спокойней. Она знает, что вы привезете Тори домой.

Лицо Джейка стало твердым и решительным.

– Она будет дома еще до ужина, Роза. Это я обещаю.

– Хотите повидаться с доктором? – спросила женщина. – Он должен скоро приехать, еще до того, как вы отправитесь за сеньоритой Тори. Я знаю, вам наверняка захочется с ним поговорить.

Джейк кивнул.

– Да, Роза. Я поговорю с ним перед отъездом.

Доктор Грин был настроен не слишком оптимистично. По словам Джилла, его удивляло, что Кармен вообще так долго держится.

– Даже не предполагаю, как пойдет дело, – сказал он Джейку. – Все может повернуться и к лучшему, и к худшему.

– Как ее ожоги? – поинтересовался Джейк.

– Я видел и похуже, но любой ожог – вещь серьезная, особенно когда он обширный. Кармен повезло, что она не сильно обгорела. На ней вспыхнула ночная рубашка и обожгла нижнюю часть ноги, но один из ваших работников успел загасить огонь прежде, чем он распространился по телу. Руки у нее должны зажить довольно скоро, хотя в таких вещах никогда нельзя быть уверенным. Может получиться, что они никогда не станут прежними: если кожу очень стянет при заживании, она потеряет эластичность, а пальцы соответственно гибкость.

– А что с ногами? – озабоченно спросил Джейк.

Доктор покачал головой.

– Просто не знаю. Если раны не загноятся, можно будет считать ее очень везучей.

– А если загноятся? – Джейк знал ответ еще до того, как доктор заговорил.

– Тогда придется ампутировать.

От одной мысли об этом Джейку стало нехорошо.

– Вы сказали Розе, как за ней ухаживать? Как обращаться с ожогами?

Доктор Грин кивнул.

– И еще дал ей кое-что, чтобы облегчить Кармен боли. Но меня сию минуту беспокоят не ожоги Кармен, а ее легкие. Они очень ослаблены дымом, которым она надышалась. Вдыхая горячий дымный воздух, она буквально опалила свои легкие изнутри. Я не могу сказать, оправится ли она от этого. Нам остается только ждать и надеяться на лучшее.

– И нет никаких средств?

– Ничего. Сожалею. Я всего лишь сельский врач, мистер Бэннер, но практика у меня немалая, и я не слышал и не читал ни о каком подобном лекарстве. Иногда природа справляется сама, если у пациента достаточно крепкий организм, он вылечивает себя сам.

– А как вы считаете, у нее организм достаточно крепкий?

– На этот вопрос ответят только Бог и время, но я бы посоветовал не сообщать ей, сколько можете, о смерти мужа. Если только она не начнет так нервничать, что лучше будет все рассказать. Чем больше вы протянете с этим, тем больше, будем надеяться, она окрепнет, чтобы справиться с ударом. По крайней мере сможет утешать себя тем, что он ушел туда, где они встретятся в будущем.

– Да, – пробормотал Джейк, – если только оба попадут в одно место.

Грешно, конечно, так думать и тем более сказать это вслух, но Джейк, увы, не был уверен, заслужил ли его отец себе место в раю. Что же касается Кармен, то он не сомневался, что ей предстоит провести вечность с ангелами.

– И постарайтесь привезти домой ее дочь, – добавил доктор. – Пусть они будут сейчас вместе, это очень облегчит ее душевное состояние.

Было около четырех часов дня, когда Джейк позвонил в колокольчик у входа в монастырь. Ему пришлось позвонить три раза, каждый раз все громче, прежде чем явилась наконец на вызов пожилая монахиня. В маленькое квадратное отверстие на воротах выглянуло ее белое лицо. Из всех сил стараясь сдержать нарастающий гнев, Джейк твердо заявил:

– Я здесь, чтобы повидать Викторину Фернандес.

– Сожалею, сэр, но нашим послушницам не разрешается разговаривать с посетителями, – сообщила ему сестра.

– Она моя сводная сестра, и я должен с ней поговорить, – ответил Джейк. – Ее мать тяжело искалечена и, возможно, умрет. Она зовет к себе Викторину, и я сделаю все, чтобы ее желание исполнилось.

– Я сожалею, – повторила монахиня. – Сестра Эсперанса не может покинуть монастырь. Это против правил.

Джейк был разъярен, но старался не терять хладнокровия.

– Поэтому она и не ответила ни на одно из наших писем? – осведомился он.

Какое-то странное выражение мелькнуло на лице сестры.

– Не могу сказать, сэр, – мягко повторила она. Но Джейк уже решил идти напролом.

– Откройте ворота, – тихо приказал он. Голос его звучал спокойно, но твердо.

– Я не могу сделать этого, сэр.

– Вы это сделаете, или я сорву их с петель, – объявил он, и темный огонь, полыхнувший в его золотистых глазах, убедил ее, что так оно и будет.

– Пожалуйста, не надо, сэр, – сказала женщина, ее встревоженные глаза скользнули с его лица на фигуру и задержались на пистолете на его бедре. Тень страха пробежала по ее лицу. – Мы не хотим неприятностей. Мы здесь стремимся к миру и согласию.

– Если вы немедленно не откроете ворота, у вас будет больше неприятностей, чем вы можете себе вообразить, – пообещал он.

Она заколебалась, и он увидел, как она пожевала в нерешительности губами. Наконец она предложила:

– Подождите, пожалуйста, здесь, а я поговорю с матерью-настоятельницей о вашей просьбе. Если она скажет, что вам можно войти, я вернусь и введу вас.

– Сделайте одолжение, – произнес он. – Но если вы через пять минут не вернетесь, я сам себя введу – с ее разрешения или без, – так что вам лучше поторопиться. Я ясно выражаюсь?

– Абсолютно ясно, сэр.

Очевидно, ей удалось убедить мать-настоятельницу в его решимости, потому что менее чем через пять минут она вернулась.

Открыв ворота, монахиня с напускной непреклонностью пролепетала:

– Я должна попросить вас, сэр, снять оружие и оставить его здесь у ворот.

Для Джейка это было все равно что предложить ему отрезать и оставить руку. Последние семь лет он, можно сказать, жил этим пистолетом. Зарабатывал им себе на жизнь и никогда с ним не расставался. Даже когда спал, пистолет всегда был у него под рукой. В результате он стал как бы частью его тела, чем-то вроде третьей руки. Без него он чувствовал себя все равно что голым. Предложение снять и оставить оружие Джейк воспринял с раздражением и свирепо пробурчал:

– Нет, мэм. Куда я, туда и он.

– Тогда, боюсь... Но Джейк обрезать ее:

– Нет. Вам нечего бояться, сестра. Как только я заберу Тори, мы тут же уедем, и вы сможете вернуться к своим молитвам и к чему там еще.

Настороженно насупившись, она повернулась и пошла впереди, показывая дорогу и приговаривая слегка дрожащим голосом:

– Пожалуйста, следуйте за мной. Мать-настоятельница сейчас с вами поговорит.

Настоятельница уже ожидала их. Она явно приготовилась встретить его решительно. Эта территория принадлежала ей, тут она правила и надзидала за всем с истинно королевским величием.

– Сестра Сара поставила меня в известность, что вы желаете переговорить с сестрой Эсперансой, – привнесла она вместо приветствия, жестом показывая, что позволяет ему сидеть в ее присутствии.

Она дождалась, пока он сядет, и только тогда продолжала:

– У нас строгие правила, которые запрещают подобные свидания, и я надеюсь, что вы поймете, почему я должна отказать вам в просьбе, хотя и сочувствую вашим обстоятельствам. Мне сказали, что миссис Бэннер тяжело больна, и меня это очень огорчило. Примите мои искренние сочувствия.

– Могу себе представить, как огорчена сама Виктория, – проговорил Джейк с горькой улыбкой. – Особенно когда вы не разрешили ей поехать домой к матери, находящейся почти что при смерти.

– Именно поэтому сестре Эсперансе ничего не сообщили, – удивила его настоятельница. – Ничто из внешнего мира не должно мешать ее обучению, особенно на этой стадии.

Ошеломленный, Джейк уставился на нее во все глаза и несколько мгновений не мог выговорить ни слова. Наконец он вскочил со стула с восклицанием, заставившим лицо матери-настоятельницы побагроветь:

– Вы хотите сказать, Виктория ничего не знает о том, что случилось с ее семьей? И именно поэтому она не бросилась к постели матери, чтобы утешить ее? И поэтому она не ответила ни на одно письмо и даже не приехала на похороны моего отца? – прокричал он. – Будь оно все проклято, женщина! Что же это такое, ведь мы ее семья!

– Нет, – тихо ответила монахиня, возвращая себе самообладание. – Вы не правы. Теперь сестра Эсперанса здесь с нами. Мы ее семья, ее сестры во Христе.

Джейк даже скрипнул зубами от такой непреклонности.

– Леди, вы испытываете мое терпение и мою выдержку. Они на пределе, – проскрежетал он. – Я понимаю ваши идиотские правила и при других обстоятельствах, может, и подчинился бы им, но я обещал ее матери, что привезу Тори домой. Если есть у вас хоть капля сострадания, вы позволите Виктории вернуться домой и остаться там до тех пор, пока ее мать не поправится или, Боже избави, умрет. Тогда Тори сможет снова приехать сюда, если захочет.

– Мне очень жаль, сэр... – начала было монахиня.

– Мне тоже, – резко прервал ее Джейк. Он подошел к письменному столу, за которым сидела мать-настоятельница, и наклонился вперед, так что их лица оказались на одном уровне. – Разрешите мне объяснить вам попроще: или вы сейчас зовете сюда Викторию и позволите ей мирно уехать, или я найду ее сам. Даже если для этого мне придется обыскать здесь каждый дюйм.

– Я не могу вам этого позволить, – ответила она сдавленным голосом и перевела взгляд на пистолет.

– Вы не можете меня остановить, – возразил Джейк. – Пошлите за ней.

Она умоляюще посмотрела на него.

– Я не могу.

– Не можете или не хотите?

– Это одно и то же, мистер Бэннер. Пожалуйста, поймите меня.

– О, я понимаю. Надеюсь только, что и вы меня поймете. – Он выпрямился. – Надо полагать, вы не скажете мне, где искать ее в этой кроличьей норе.

Женщина покачала головой.

Джейк пожал плечами, затем решительно вышел из кабинета и зашагал в направлении, противоположном от входа. Боясь за своих овечек, мать-настоятельница следовала за ним по пятам.

– Пожалуйста! Вы не должны так поступать! – умоляла она.

Джейк не отвечал. Он только удлинил свой шаг, из-за чего она должна была почти бежать, чтобы не отстать от него.

– Тори! – заорал он. – Виктория Фернандес!

Если бы Джейк был в другом настроении, позволяющем оценить происходящее со стороны, его даже позабавил бы увязавшийся за ним эскорт: чем дальше он заходил вглубь монастыря, тем больше народа за ним следовало. Монахини семенили за ним, как стая пингвинов. Будь у него с собой дудочка, Джейк мог бы считать себя гамельнским крысоловом.

Он шел все дальше, через кухню, часовню, обходил зал за залом, – и чем дальше, тем больше зверел. Поиски осложнялись еще тем, что все сестры были одинаково одеты в черные рясы с либо черными, либо белыми чепцами, приходилось замедлять шаг, вглядываясь поочередно в каждое лицо. Конечно, Виктория должна была узнать его голос, не могла не обратить на него внимания. Если только она не прячется от него нарочно или находится там, куда его

голос не долетает, хотя вряд ли, крик его резонировал и отражался от голых стен, разве что сестра Сара успела увести ее куда-нибудь подальше. Где же она, дьявол ее заberi...

Джейку не хотелось углубляться во двор и сады, пока он не обыщет главное здание, не заглянет в каждый его уголок, ведь стоит ему выйти из дверей, как они наверняка запрут на все засовы. Он уже собрался обыскивать личные спальные комнаты сестер на верхнем этаже, когда увидел наконец Тори. На верхней площадке узкой длинной лестницы, куда он начал подниматься, она, стоя на коленях рядом с ведром, старательно скребла каменный пол.

– Тори! – проревел он. Она ошеломленно обернулась, не поднимаясь с колен, и чуть не покатила вниз по ступенькам. Удержалась и удивленно уставилась на него большими зелеными глазами.

– Джекоб! Что ты здесь делаешь? – воскликнула она и перевела недоумевающий взгляд на его свиту из карабкающихся по лестнице монахинь во главе с угрюмой матерью-настоятельницей. – О Боже! Джекоб! Что ты наделал?

Широко расставив ноги и подбоченясь, возвышался он над ней, высокий и сильный. Сурово сдвинув брови, он повелительно скомандовал:

– Собирай свои вещи, Тори. Я приехал забрать тебя домой.

ГЛАВА 2

Опустившись на пятки, Тори потрясенно глядела на него снизу вверх.

– Ты что? – пискнула она. А затем раздраженно стала его отчитывать: – Джекоб Бэннер, ты что, разум потерял? Явился сюда и предъявляешь какие-то нелепые требования! Что на тебя нашло?

Он стоял с каменным лицом, глядя на нее в упор, не проявляя никаких признаков раскаяния.

– Делай, как я сказал, Тори, – приказал он.

– Нет. И не подумаю! Теперь это мой дом, Джекоб, и у меня нет никакого желания его покидать. Мне казалось, я тебе все объяснила прошлым летом. Я считала, что ты понял мои чувства.

– Многое изменилось, – серьезно сказал он. – За это время кое-что случилось.

Она почти его не слушала, мысли ее были заняты тем, как его убедить.

– Ты не должен здесь находиться, Джекоб. Это против правил.

– Когда я уйду отсюда, ты пойдешь со мной.

– Это тоже против правил, – она яростно сверкала на него глазами.

– Будь прокляты все правила, – чертыхнулся он, вызвав гул возмущенных возгласов за своей спиной. Тори покраснела от смущения.

– Джекоб! Здесь не место для таких слов! – резко осадила она его.

Джейк нахмурился еще больше и критически оглядел ее.

– Не соблаговолишь ли подняться с колен? – рявкнул он. – Ты только посмотри на себя! Твои руки стерты чуть не до мяса из-за этого отскребывания. И готов биться об заклад, что коленки у тебя еще хуже! Ты за этим пришла сюда, Тори? Чтобы не разгибаясь мыть полы, стены и ступеньки, как поденщица? Раз тебе это нужно, чтобы быть счастливой, мы с радостью предоставим тебе такую возможность дома.

Если бы на них не смотрело столько глаз и не слушало столько ушей, Тори накричала бы на него. Вместо этого, глядя ему в лицо со всем достоинством, какое только можно было проявить в подобных обстоятельствах, она проговорила:

– Я здесь для того, чтобы научиться благочестию и смирению, и это, Джекоб, часть моего обучения. Если тебе не нравится видеть меня на коленях, лучше тебе немедленно удалиться.

Терпение его кончилось; склонившись, он схватил ее и рывком поставил на ноги, мрачно пробормотав сквозь зубы:

– Запакуй, что тебе надо взять с собой, Тори, или брось здесь. В любом случае, мы уезжаем... вместе! Ты нужна дома!

Вывавшись из его рук, она уставилась на него уже неприкрыто свирепым взглядом и прошипела:

– Ты мне не хозяин, Джекоб!

– Это еще посмотрим, – вежливым тоном возразил он. – А теперь быстро решай, пойдешь ли послушно сама или мне вынести тебя отсюда на плече?

– Ты не посмеешь.

– Неужели? – Мгновенным, как укус змеи, движением он схватил ее и, перекинув головой вперед через свое широкое плечо, быстро двинулся вниз по лестнице. – Ты нужна своей матери. Она зовет тебя.

– Я тебе не верю, – проговорила она, задыхаясь от тряски. На каждом шагу плечо его вдавливалось ей в ребра. Голова кружилась, и она закрыла глаза. – Мама меня понимает. Не то что ты. Она приняла мой выбор. Почему, спустя столько времени, она меня позвала обратно?

Проталкиваясь через море черных ряс, он ответил:

– Она больна, Тори. Очень больна. Тори потрясение смолкла.

– Джекоб, – наконец произнесла она испуганным голосом. – Пожалуйста, поставь меня на землю.

Он сразу же поставил ее, повернул лицом к себе и сумрачно посмотрел ей в лицо. Большие зеленые глаза вглядывались в него, безмолвно вопрошая о том, что она не решалась произнести вслух.

Его руки продолжали лежать на ее плечах, уже не удерживая, а предлагая поддержку, когда он тихо проговорил:

– Возможно, она умирает, Тори. Поверь, мне не хотелось так сообщать это тебе. Лучше бы, конечно, каким-то другим, не таким грубым способом...

– О святые небеса! – Теперь она сама приникла к нему. – Что случилось?

– Был пожар. Кармен обгорела, и доктор очень обеспокоен состоянием ее легких. Она надышалась горячего дыма.

Тори крепко зажмурилась, как бы отгораживаясь от его слов. Слезы сочились из-под сомкнутых век и струились по лицу. Жалобные всхлипывания вылетали из ее горла. Притянув к себе, Джейк обнял ее, дрожащую, обоим теперь было все равно, что на них смотрит целая толпа сестер, впрочем, многие из них открыто разделяли ее горе.

– Поплачь, ангельское личико, – ласково утешал он, невольно вспомнив, как любил называть ее раньше. – Выплачься.

Одна за другой, тихо и незаметно сестры удалились прочь, пока не осталась свидетельницей их печали только мать-настоятельница. Наконец, когда Тори немного успокоилась, Джейк с трудом произнес:

– Это еще не все, Тори.

Она кивнула, лицо ее еще пряталось у него на груди.

– Говори, – попросила она и напруглась, прижавшись к нему.

– Отец умер. Погиб в огне.

– О Боже, Джекоб! – разрыдалась она. – Как мне жаль, как же мне жаль!

– Мне тоже, дорогая, – тихо признался он. – Больше, чем я мог предположить.

– Ты любил его, – еле выговорила она. – Как бы вы ни воевали друг с другом, я знала, что ты его любишь, так же крепко, как и я. И он любил тебя, хочешь верь, хочешь нет.

– Да, думаю, любил по-своему, – грустно заключил Джейк.

Прошло еще несколько минут, прежде чем они заметили, что в стороне тихо стоит в ожидании мать-настоятельница. Притянув заплаканную девушку в свои объятия, она стала утешать ее и сочувствовать. Затем со смиренным вздохом спросила:

– Полагаю, вы сейчас уедете, сестра Эсперанса?

Тори кивнула.

– Да, – матушка. Я очень сожалею, но мне надо поехать домой.

Ласково улыбнувшись юной послушнице, женщина сказала:

– Возвращайся к нам, сестричка. Наша любовь пребудет с тобой, пока ты не вернешься в эту обитель.

Тори была потрясена, узнав, что пожар произошел больше недели назад и что сестры-монахини скрыли от нее это известие. Но еще больше потряс ее вид любимой матери, которую она увидела в первый раз за два года. Со слезами на глазах смотрела она на бледное, измученное страданиями лицо, обрамленное прядями седых волос. Неужели это ее мать, прежде всегда такая цветущая, энергичная и жизнерадостная? Когда поседел ее красивые черные волосы? Только ли боль покрыла морщинами ее лицо, или это уже годы наложили свою печать на любимые черты?

– Ох, мама! – вздохнула она. При звуке дочернего голоса Кармен зашевелилась и пробормотала: «Тори», – но не проснулась. Едва не рыдая, Тори подвинула стул поближе к постели.

– Я посижу с ней, – прошептала она Розе, которая стояла рядом и смотрела на них.

Роза кивнула и тихонько вышла из комнаты. Джейк задержался, незаметно стоял он в дверях и с тоской глядел на мать и дочь. И боль отразилась в его глазах. Спустя какое-то время он мягко проговорил:

– Я рад, что ты дома, Тори. Если кто-то может дать ей волю к жизни, это, конечно, ты.

Два долгих дня Тори не отходила от постели матери, покидая комнату, только чтобы поесть. Да и то Роза чаще приносила ей что-нибудь перекусить на подносе прямо туда, но девушка едва прикасалась к еде. Спала она в кресле около постели Кармен, не обращая внимания на затекающую шею и ломоту в спине. Джейк то и дело навещал Кармен и почти всегда, заглянув в комнату, заставлял Тори на коленях в молитве. Он долго терпел, но в конце концов решил вмешаться.

Утром третьего дня, войдя в комнату больной и глядя в мутные от усталости глаза Виктории, он объявил:

– Начиная с этого момента ты будешь есть в столовой, Тори. Я велел Розе больше сюда подносов не носить.

Подойдя к креслу, в котором, обмякнув, сидела Тори, он взял ее за руку и, подняв на ноги, повел к двери.

Спотыкаясь от слабости, Тори все-таки пыталась высвободить руку из его крепкой хватки. Но она настолько устала, что от ее жалких усилий не было толка.

– Джекоб, я не могу ее оставить! – тихо вскрикивала она, не желая будить мать, которая перед этим провела беспокойную ночь.

– С ней все будет хорошо, – уверял ее Джейк, – Роза последит за ней, пока ты поешь и немного отдохнешь... в своей комнате и на своей кровати, – добавил он. Усадив ее перед тарелкой с солидной порцией горячей яичницы с беконом, он скомандовал: – Ешь. – Увидев, что она продолжает тупо сидеть, слишком усталая, чтобы понять, чего от нее хотят, он вложил вилку в ее дрожащие пальцы и повторил:

– Ешь, Тори. Если будешь себя вести так и дальше, у тебя не хватит сил, чтобы ухаживать за матерью. Смотри, какая ты худющая, кожа да кости, и эти синяки под глазами, на кого ты похожа? Счастье еще, что ты не напугала Кармен до смерти при встрече. Ты начинаешь походить на грифа над ложем болезни.

Тори скорчила рожицу, услышав такой отзыв о себе.

– Да, умеешь ты польстить, братец! Если ты всем расточаешь такие цветистые комплименты, не удивительно, что до сих пор не женат.

Он криво ухмыльнулся:

– В моей профессии мне почти не приходится иметь дело с настоящими леди. Обычно, если они меня и замечают, то с опаской подбирают юбки, воротят и вздергивают свои деликатные носики и скорее упадут в обморок от страха, чем от восхищения. Такие, как я, не привлекают благовоспитанных леди. И все-таки, признаюсь, в свое время не одна головка с интересом поворачивалась в мою сторону.

Презрительно шмыгнув носом, она фыркнула:

– Раскрашенные леди, не сомневаюсь. Из тех, которые хотят, чтобы им платили за время и любовь.

Джейк расплылся в усмешке.

– Ревнуешь, лапочка? – поддразнил он ее. – Если ты отделаешься от этого бесформенного черного мешка, ты, пожалуй, легко привлечешь мужской взгляд, даже не прибегая к их ухищрениям. Видит Бог, достаточно тебе похлопать своими длиннющими ресницами, и любой мужчина со всех ног бросится угождать тебе. Понять не могу, зачем тебе захотелось похоронить себя в каком-то унылом монастыре, когда ты могла бы завести себе мужа и детей.

Тори со вздохом отложила вилку.

– Джекоб, об этом было столько переговорено. Я довольна выбранной мной жизнью. Когда ты решил отправиться на розыски убийц Кэролайн и отомстить за нее, я тебя не осуждала за это. Пожалуйста, не суди и ты меня теперь.

– Насколько я помню... – Джейк помолчал, вспоминая эти мрачные дни своей жизни. – Ты внесла свою лепту в уговоры, убеждая меня никуда не ездить. Плакала, спорила и закатила целую истерику.

– Ну и чего я добилась? – с вызовом сказала она. – Ты уехал, отмахнувшись от наших уговоров. После твоего отъезда отец месяц бесился и бранился, а мама ходила в слезах и все время молилась о тебе. Все были несчастливы. Мне постоянно казалось: вот-вот что-то случится; мы все время боялись за тебя, ждали, что нам в любой момент сообщат о твоей смерти. И это притом, что Кэролайн и ее семья только-только были похоронены. Не знаю, как мы все это вынесли.

Джейк с угрюмым видом снова вложил вилку ей в руку и кивком потребовал, чтобы она принималась за еду.

– Иначе я не мог, Тори. Знаю, тебе трудно было это понять в таком-то возрасте. Сколько тебе тогда было? Одиннадцать?

– Нет, я понимала, почему ты уехал, – воз разила она. – Будь я женщиной, я бы поехала с то бой. Ты же знаешь, я любила Каро, но тебя я любила больше и так за тебя боялась... Тебе было всего лишь девятнадцать, а ты собрался преследовать нескольких убийц, которые гораздо лучше тебя обращались с пистолетом.

– Я справился, – ответил Джейк, и глаза его потемнели до цвета старого золота, когда он вспомнил свой первый поход за отмщением. Его сестра Кэролайн была на два года старше. Ее застрелила на улице пьяная шайка бешеных бандитов. В тот момент он держала на руках ребенка. Когда она упала, ребенок ударился головой о бордюрный камень. Оба погибли. Обезумев от ярости, ее муж Чарли вытащил свой пистолет. Но, прежде чем он успел нажать на курок, в него выстрелил один из бандитов. В один день трое невинных людей бессмысленно расстались с жизнью. Целая молодая семья в считанные минуты исчезла с лица земли.

В пьяном угаре ограбив несколько магазинов и насмерть перепугав жителей, бандиты покинули город. Шериф все это время прятался у себя в конторе, да и после с погоней особенно не торопился.

У Джейка не было ни страха, ни сомнений. Он прискакал домой, прижимая к груди крошечное тельце ребенка. Слезы текли по его лицу, и он не стыдился их; на поводу он вел за собой коня, к спине которого были привязаны тела сестры и зятя. Тем же вечером, захватив в собой спальный мешок и провизию, он оседлал коня и взял пистолет. Парень остался глух и к отчаянным мольбам мачехи и маленькой сводной сестры, и к резким увещаниям и угрозам отца: с ожесточенным сердцем он отправился на поиски убийц.

Так началась его жизнь профессионального стрелка семь долгих одиноких лет тому назад. С тех пор он отточил свои способности до совершенства. Мужчина, сидевший сейчас напротив Тори, мало чем напоминал того смешливого беззаботного мальчишку, с которым она росла. Ушла застенчивость юности, ее сменил жесткий цинизм, придавший холодный блеск его золотистым глазам и жесткие очертания скулам. Брат, которого она знала всю жизнь, теперь стал для нее незнакомцем.

Погруженная в мысли об этом страшном времени. Тори глядела на Джейка, размышляя, какую часть своей души он навсегда потерял за эти годы. Сколько человек он убил? Джекоб никогда не говорил, удалось ли ему выследить и уничтожить убийц Кэролайн, а Тори и ее мать так никогда и не решились спросить. С тех пор Джекоб только дважды навещался на ранчо, причем последний раз Тори уже была в монастыре. Она видела его в тот день несколько минут, и большую часть этого времени он потратил на то, чтобы уговорить ее уйти из монастыря, а она пыталась заставить его понять, почему ей невозможно это сделать. Она надеялась, что

он не возобновит сейчас, когда она вернулась домой ухаживать за матерью, свои уговоры, но понимала, что он вряд ли упустит такую возможность.

– Джекоб, – нерешительно заговорила она, хотя и знала, что лучше бы этот разговор не начинать, – раз я остаюсь с мамой, мне понадобится еще одежда. У меня с собой только одна ряса. Мы так спешили, когда уезжали, и я была так растеряна, что не подумала взять остальные вещи. Как ты считаешь, можно будет послать кого-нибудь из работников в монастырь, чтобы забрать кое-какие мои вещи?

Суровые золотистые глаза яростно сверкнули.

– У тебя в твоей комнате есть одежда, Тори, – резко проговорил он. – Мама сохранила большинство твоих старых вещей. И шкаф, и комод стоят там же, где стояли.

Усталый вздох, казалось, сотряс все ее тело, но она взяла себя в руки, готовясь к предстоящему спору.

– Я не могу носить свои старые платья, Джекоб. Мне нужны мои остальные рясы. Пошли за ними, пожалуйста.

– Нет. – Всего одно слово, короткое, резкое, и вот война между ними объявлена.

– Тогда я сама попрошу одного из мужчин, – решительно глядя на него, заявила Тори, хотя голос ее оставался спокойным и мягким.

Джейк покачал головой.

– Нет, не попросишь. Любой, кто нарушит мои приказы, недолго проработает на «Ленивом Би», и я не думаю, что кто-нибудь рискнет своей работой, только чтобы угодить тебе.

– На самом деле ты хочешь сказать, Джекоб, что они не рискнут навлечь на себя гнев такого грозного стрелка? – В ее голосе слышался явный сарказм. – Тогда ты достоин презрения, Джекоб Бэннер! Но твоя тактика со мной не сработает. Я сама заберу свои вещи из монастыря.

– И оставишь свою мать без присмотра? – Он поднял брови.

При этих словах она заколебалась, затем возразила:

– Ты же сам говорил, здесь есть Роза. И это ненадолго. Съезжу туда и обратно за несколько часов.

– Забудь об этом, Тори. В ближайшее время ты туда не вернешься.

Его самоуверенный тон только больше взбесил ее:

– Ты не сможешь меня остановить, Джекоб.

– Не смогу, ангельское личико? – поддел он ее. Несколько долгих минут они упрямо сверлили друг друга взглядом под тиканье старых дедовских часов.

– Сколько тебе лет, Тори? – наконец заинтересовался он дружеским тоном, казалось, переводя разговор на другую тему. – У тебя ведь скоро день рождения, не так ли?

Тори хмуро глядела на него с другого края стола, соображая, к чему он клонит.

– Да, в конце августа мне будет восемнадцать. Кивнув, он продолжал:

– То есть до этого, милая, еще три месяца. – Он замолчал, но в золотистых его глазах засветилась насмешка. – До тех пор, согласно завещанию отца, я твой законный опекун. У меня в руках полный контроль над тобой и всеми твоими поступками. Не говоря уж о твоём состоянии, включая кругленькую сумму, которую отец отложил для тебя до твоего замужества или до того дня, когда тебе исполнится двадцать один год, смотря по тому, что произойдет раньше.

– И ты собираешься пробыть здесь так долго, Джекоб? – ядовито-медовым голосом осведомилась она. – Помнится, единственный раз ты приехал на такое время, что стоило повесить шляпу на гвоздь, – это когда с отцом случился удар, и ты был нужен маме, чтобы следить за ранчо. А потом, достаточно было отцу поправиться настолько, что бы взяться за дела самому, ты сразу же отбыл в неизвестном направлении – к своим пистолетам и славе великого и страшного стрелка.

Джейк злобно уставился на нее.

– Когда на тебя найдет, ты все такая же ведь мочка с острым, как бритва, язычком. – Он криво усмехнулся, отчего у нее все внутри дрогнуло. – Но не беспокойся. Я пробуду здесь долго, достаточно для того, чтобы избавить тебя от этой привычки. Великий и страшный стрелок, такой как я, сумеет справиться с дерзкой девчонкой, вроде тебя, одной левой. Кроме того, многое изменилось. Отца больше нет. На этот раз ему не станет лучше и он не возьмется, как раньше, за дела.

– Да, многое изменилось, Джекоб. Вот только в чем – в том, что ты стал нужен маме и ранчо, или в том, что больше нет отца, который погонял тебя и командовал, как надо все делать? Ты теперь останешься здесь навсегда?

Лениво пожав плечами, он постарался скрыть, как больно задела его ее слова. В них было много правды.

– Может быть. Посмотрим, как пойдут дела. Может, теперь я испробую некоторые свои идеи, на которые отец не соглашался. Как ни велико это ранчо, нам двоим было на нем тесно.

– Потому что каждый хотел настоять на своем и ни один не хотел уступать.

– Не совсем так, Тори, – напомнил он. – Ты же знаешь, как между нами было. Всю жизнь я старался, как проклятый, соответствовать тому, чего от меня ждал отец, но всегда не дотягивал до его стандартов. Как бы я ни старался, ему всегда требовалось, чтобы было еще лучше. Господи! – простонал он с отвращением. – Я мог по воде пешком пройти, но он бы ворчал, что я и телегу не прихватил с собой.

Тори болезненно дернулась.

– Пожалуйста, Джекоб, не поминай всуе имя Господне в моем присутствии. Хватит того, что ты вытащил меня домой.

Он поднял бровь с привычной дерзостью.

– Только не говори мне, Тори, что ты не рада оказаться здесь, не рада снова увидеть Кармен, пусть и в таком плохом состоянии.

Она, соглашаясь, кивнула.

– Я ужасно скучала по маме эти два последних года. Страшно, конечно, видеть, как ей больно, но я счастлива снова быть с ней рядом. И так странно, что папы уже нет на свете. – Она вздохнула, на глазах у нее заблестели слезы. – Мне не хватает его.

– Мне тоже, лапонька, – вздохнул он. – Мне тоже.

– Ты только из-за папы раньше не приезжал домой? – спросила она. – Если бы ты бросил эту жизнь в насилии, он принял бы тебя с распростертыми объятиями в любое время.

– Невозможно просто взять и перестать быть стрелком, Тори. – Он покачал головой, удивляясь ее наивности. – Нельзя просто вернуться домой, повесить пистолеты на стенку и начать прежнюю жизнь. Люди тебе не позволят, как бы ты этого ни хотел. При такой жизни заводишь много врагов, и те, кого ты не убил, будут преследовать тебя до конца дней твоих. Твоя слава липнет к тебе, как грязная тень, она следует за тобой по пятам, и, что бы ты ни делал, ты не можешь ее стряхнуть с себя. Всегда находится кто-то, желающий доказать, что он быстрее выхватит пистолет, точнее прицелится. Всегда есть кто-то, кому надо с тобой разобраться или чего-то от тебя добиться. Я не ищу опасности, милая, она сама меня находит. Поэтому я и не рвался возвращаться. Не хотел подвергать опасности вас.

– А теперь?

– Теперь у меня нет выбора. Я должен остаться, – он пронзил ее острым взглядом золотистых глаз. – И у тебя тоже, Тори. У нас у обоих есть долг по отношению к тем, кто в нас нуждается, кого мы любим. Я честно предупреждаю тебя, раз и навсегда. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не дать тебе вернуться в монастырь. Тебе надлежит быть здесь, и я собираюсь проследить, чтобы ты здесь осталась. Я не дам тебе уехать.

– Ты не можешь заставить меня остаться, Джекоб, – сказала она, вызывающе выставив подбородок. – Как только маме станет лучше, ты меня не удержишь.

Его улыбка была самой надменной дьявольской усмешкой, какую она когда-либо видела.

– Смогу, даже если мне придется привязать тебя к себе и следить за тобой днем и ночью. Тори, ты приехала домой насовсем, нравится это тебе или нет. Так что лучше привыкай к этой мысли. После смерти отца я управляю этим ранчо и всем на нем, включая тебя. Здесь мое слово – закон, и никто не осмелится тебе помочь. Я твой опекун, твой сторож, твой...

Тори от злости изменилась в лице: щеки ее пылали, зеленые глаза метали молнии.

– Ты отвратительный, мерзкий тиран, – вскричала она, не дав ему договорить. – Ты столько обвинял отца в том, что он стремится управлять жизнями людей, но ты намного хуже. Ты презирал в нем эту черту, Джекоб, а сам становишься точно таким же, даже еще хуже!

Если бы он не привык за последние годы скрывать свои чувства, он бы побледнел от этих слов.

Тори ударила его по самому больному месту, и он знал, что она сделала это нарочно. Сравнить его с отцом было самым язвительным упреком, какой она могла высказать, особенно над свежей могилой Роя. Джейк с отцом большую часть его двадцати семи лет провели в яростной борьбе друг с другом, но теперь он, к собственному удивлению, тяжело горевал о нем и сам еще не разобрался в обуревавших его после смерти отца противоречивых чувствах.

– Незаслуженный упрек, Тори, и недостойно с твоей стороны так говорить. Если такому поведению, злобному и низкому, учат тебя в монастыре, тебе там не место.

– Это ты, Джекоб, ведешь себя гадко и низко! – На Тори как-то мгновенно навалилась усталость, даже говорить не хотелось. Последние несколько дней ее добила. Ее мать лежала смертельно больная в соседней комнате, и Тори до боли тревожилась за нее. Она сама была настолько слаба, что еще не смогла по-настоящему прочувствовать смерть Роя. Этот человек всю свою жизнь был ей отцом, с тех самых пор, как ее мать вышла за него замуж, а было Тори тогда всего несколько месяцев отроду. Сердце ее болело за Джекоба, и она ощущала ту боль, которую, она знала, и он испытывал. Она чувствовала, что сестры в монастыре предали ее, когда скрыли от нее такие важные известия. За последние шестьдесят часов она почти не спала, все у нее спуталось: и в голове, и в сердце. С чего начался этот дикий спор с Джекобом? Это уже чересчур!

Приступ громких рыданий застал врасплох обоих. За ним последовал второй, третий, и, как ни старалась Тори взять себя в руки, ей это не удалось. Плач вырывался из груди отчаянными обжигающими всхлипами, а горячие слезы солеными потоками стекали по лицу. Она беспомощно смотрела на Джейка, ошеломленная тем, что не может справиться с раздирающими ее чувствами.

А потом он оказался на коленях у ее стула, и ее руки протянулись к нему в поисках утешения, которое она всегда у него находила. Взяв ее в охапку, он быстро понес ее через холл в спальню. Сев на край постели, он прижал ее, как ребенка, к себе и стал укачивать, разделяя с ней общее горе.

– Ох, Джекоб, как больно! Так больно! – рыдала она, уткнув лицо ему в шею, стараясь впитать и перелить в себя его силу.

– Знаю, ангел, знаю, – хрипло бормотал он, судорожно сжимая льнущее к нему тело. Слезы комом стояли у него в горле.

Когда ее плач почти стих и перешел во всхлипывания, он мягко опустил ее на подушки. Дрожащими руками стер ей с лица слезы, нежно глядя в покрасневшие опухшие глаза.

– Поспи немного, Тори, – сказал он, ласковы ми поцелуями закрывая ее веки.

Устало, глубоко вздохнув, она сонно попросила:

– Не будь таким вредным и злым со мной, Джекоб. Мне больно, когда ты сердишься на меня. Я люблю тебя.

Если бы глаза ее были открыты, она бы увидела, какую боль причинили ему эти простые слова. Она увидела бы, что он дернулся, как от удара.

– Я тоже люблю тебя, ангельское личико, – произнес он. – Мне не хочется доставлять тебе боль, но боюсь, что придется. Не думаю, что этого удастся избежать.

Не в силах удержаться, он наклонился и поцеловал последние слезы, мерцающие на ее пушистых ресницах. Она уже крепко спала.

– Ох, Тори, – вздохнул он, глядя на нее. – Что мне с тобой делать? Что должен я делать со своими чувствами к тебе? Ты говоришь, что любишь меня, да только имеешь в виду сестринскую любовь к брату. Но ведь на самом деле, ты же знаешь, я тебе не брат по крови. Что почувствуешь ты, когда поймешь, что я теперь испытываю к тебе не братскую любовь, а любовь мужчины к женщине, и уже давно?

Устало проведя рукой по лицу, он тихо прошептал:

– Надеюсь, ты не станешь презирать меня, мой ангелочек. Мне так чертовски необходима твоя любовь, что, кажется, умру, если ты когда-нибудь возненавидишь меня. Невинная моя монашечка, погибель ты моя. Наверное, это последняя возможность нам обоим спастись от беды, любовь моя, и дурак я буду, если не воспользуюсь этим.

Он осторожно протянул руку и нежно, чтоб не разбудить ее, снял с головы накрахмаленную белую вуаль. При виде коротко стриженных волос он, хотя другого и не ожидал, испытал потрясение, у него даже дух перехватило от расстройства. Длинные блестящие косы сменила гладкая шапочка темных волос, почти такая же, как у него. Сердце его сжалось, когда он погладил неровные пряди. Лучше бы они отрезали ему руки, по крайней мере хуже, чем сейчас, ему бы не было. На его взгляд, ее обезобразили нарочно, уничтожили нечто прекрасное.

– Что они с тобой сделали, будь они прокляты! – еле слышно чертыхнулся он.

Его первоначальным намерением было устроить ее поудобнее, чтобы она лучше отдохнула. Однако вид этих грубо обрубленных волос разозлил его. Вдобавок снять с нее тяжелые ботинки на пуговках оказалось не так-то просто, и он рассвирепел еще больше. Слишком разъяренный, чтобы возиться с ними, он вытащил свой нож и разрезал их прямо у нее на ногах. Затем пришла очередь шерстяных чулок, слишком теплых и неудобных, чтобы носить их поздней весной в Нью-Мексико.

Отступив от постели, Джейк постоял в раздумье. Какое-то мгновение он боролся со своей совестью, с удивлением обнаружив, что она у него еще сохранилась.

– А, пропади все пропадом! – пробормотал он наконец. – Если уж повесят, то неважно, за ягненка или за волка.

ГЛАВА 3

За Кармен присматривали по очереди Роза и Анна, вторая служанка, а Тори проспала полсуток и продолжала спать дальше. Джейк приказал, чтобы ее не тревожили: пусть проснется сама, когда ее тело подскажет, что отдохнуло. Она просыпалась медленно, с трудом. Ум и тело не хотели снова очутиться перед испытаниями, но подсознание подсказывало, что этого не избежать. Наконец веки ее лениво дрогнули, и, несколько раз зевнув, она обнаружила себя в собственной постели, в своей старой комнате. Еще несколько мгновений, и она вспомнила, как здесь оказалась. Еще несколько... и она ощутила, что лежит под тонкой простыней совсем голая.

Сразу абсолютно проснувшись, Тори призадумалась. Неужели Роза, раздев ее, не смогла найти ночную рубашку? Или просто побоялась разбудить?

Тори пожалала плечами. Какая разница, грешно, конечно, но до чего же это приятное чувство – проснуться, не испытывая раздражения от ярдов намотавшейся на нее материи, как всегда бывает после сна.

Не найдя своей рубашки, Тори решила, что Роза взяла ее постирать, и мысленно поблагодарила за заботу.

«Право, мне надо постараться каким-то способом облегчить ее работу, – подумалось ей. – Она так нам всем предана, такая добрая и замечательная женщина».

Непривычно было после двух лет, проведенных в тяжелой черной одежде, надевать на себя легкое цветное платье, хотя она и постаралась выбрать в шкафу самое блеклое, просто бледно-зеленое, которое она носила, работая в саду. В нем она чувствовала себя легкой, как перышко, готовое в любую минуту улететь. Так же странно было ходить с непокрытой головой, не ощущая на плечах ни тяжести монашеской вуали, ни собственных волос.

Проглядев ящики комода, Тори нашла наконец легкую шаль, чтобы накинуть на голову вместо исчезнувшей вуали. После этого она с более привычным чувством рискнула выйти из комнаты. Роза как раз выходила от Кармен.

– Как мама? – шепнула Тори и, заглянув в спальню, увидела, что мать спит.

– Сегодня утром сеньора Кармен дышит лучше, сеньорита Тори. Думаю, доктор будет доволен, когда услышит об этом.

– Хорошо. Спасибо, что присмотрела за ней, пока я спала. Теперь с ней посижу я.

– О нет, сеньорита Тори. Сейчас накрывают стол, и сеньор Джекоб с нас голову снимет, если вы не поедите. Уже прошел целый день с тех пор, как вы ели в последний раз. Сначала как следует покушайте, а потом уж посидите со своей мамой.

Удивленно уставившись на Розу, Тори повторила:

– Целый день? Я проспала целый день?

– Si. Думаю, вы скоро свалились бы в обмороке, если б сеньор Джекоб не заставил вас отдохнуть. Вам надо лучше следить за собой, иначе вашей маме не будет от вас никакого толка.

– Да-да, – рассеянно согласилась Тори. – Ты права, Роза, – и она слегка обняла добрую женщину. – Ты так замечательно о нас заботишься и, наверное, устала от всех этих дополнительных хлопот по уходу за мамой. Не знаю, как тебя и благо дарить. Я лишний раз помолюсь за тебя.

Роза покраснела от удовольствия.

– Gracias.

Направишись в столовую, Тори внезапно вспомнила о своей пропавшей одежде.

– Да, Роза мне очень неприятно тебе надое дать, но не скажешь ли мне сразу, как только моя ряса будет чистой? Мне, право же, не слишком приятно расхаживать в этих платьях.

– Ваша ряса? – наморщив лоб, переспросила Роза.

– Да, и еще я не смогла найти сегодня утром свои ботинки. Что ты сделала с ними?

Роза растерянно покачала головой.

– Сеньорита Тори, я ничего не знаю ни о вашей одежде, ни о ваших ботинках.

Тори оцепенела от ужасного подозрения.

– Разве не ты раздевала меня? – неуверенным голосом спросила она у недоумевающей женщины.

– Нет, не-я:

Женщины уставились друг на друга, одна и та же мысль пришла в голову обеим. Лица у обеих залились яркой краской.

– Этот змей! – зашипела Тори, обретя наконец дар речи. – Этот мерзкий паршивый змей!

Она ринулась на поиски Джейка, готовая разорвать его. Все навыки терпения, тщательно прививаемого ей последние два года, слетели с нее, как шелуха. Охваченная гневом, она не думала ни о молитве, ни о том, что надо смиренно подставить другую щеку. Все наставления сестер были забыты. Голос, перестав быть тихим и мягким, зазвучал резко и решительно, шаги вместо размеренных стали стремительными, а обуревавшие ее чувства никоим образом нельзя было назвать благостным покоем, хотя на лице это почти не отразилось.

– Джекоб! Я собираюсь убить тебя из твоего же пистолета.

Она обнаружила его уже сидящим за обеденным столом с лукавой улыбкой на губах.

– Какие проблемы, Тори? – насмешливо поинтересовался он.

Ее так трясло от злости, что она едва могла говорить. А когда смогла, то закричала в голос:

– Верни мне рясу, Джекоб, и сейчас же!

– Монашеское одеяние для визжащей сварливой девчонки? Нет, не думаю, что оно тебе подойдет. Я вижу, добрым сестрам не слишком удалось укротить тебя.

– Ты чудовище! Ты меня раздевал вчера!

Сумев небрежно пожать плечами, он ответил просто:

– Ну и что? Не в первый и не в последний раз. Я всего лишь старался, чтобы тебе было удобно спать.

– И заодно устроил себе зрелище! Неужели у тебя нет ко мне ни капли уважения, Джекоб? У тебя что, совсем нет стыда?

– Очень мало, – ответил он, посмеиваясь над ее негодованием.

– Как ты посмел сделать такое? – возмущалась она.

– Почему ты придаешь этому такое значение, Тори? Я в свое время менял тебе пеленки. Вообще, я не первый раз вижу голую женщину, еще несколько лет назад у тебя была привычка сбрасывать с себя всю одежду перед тем, как окунуться в реку. Если помнишь, отец много раз шлепал тебя за то.

– Тогда все было иначе. Я была ребенком, а теперь я женщина.

– Я это заметил, – криво усмехнулся он.

– Низкий ты человек! Мне надо бы глаза тебе выцарапать!

– Можешь попробовать, малышка. Можешь попробовать, но вряд ли это тебе удастся.

Прижав к бокам сжатые в кулаки руки, она буквально тряслась от бессильной ярости. Будь проклято его спокойствие! И еще смотрит свысока! Оба они знали, что своей угрозы ей не выполнить. Рядом с Джекобом Тори выглядела истощенной сироткой. Ростом она доходила ему до подбородка и была на семьдесят пять фунтов легче. За годы, пока они вместе росли, Тори потеряла счет своим молитвам, испрашивавшим у Бога такой же рост и размер, чтобы избить его до полусмерти! Сейчас снова настал один из таких моментов!

Делая глубокие вдохи, Тори пыталась вернуть себе хладнокровие. Немного успокоившись, она вдруг поразились, до чего же легко она потеряла самообладание. Что сказали бы сестры в монастыре, если бы могли видеть ее сейчас? Как была бы поражена и расстроена мать-настоятельница! Какой позор! Тори скривилась при мысли о предстоящей исповеди и о том, какую епитимью наложат на нее за один этот день. Если она не научится укрощать свой язык и характер, ей придется до конца дней своих оставаться простой послушницей!

Заставив себя говорить тихо, она кротко сказала:

– Я сожалею, что раскричалась на тебя, Джекоб, но согласись – нехорошо было с твоей стороны меня раздевать. Ты никогда больше не должен этого делать, даже из самых лучших побуждений, – тут она поймала на себе его пристальный, жесткий взгляд, весьма ее озадачивший. – Соболаговоли вернуть мне мою рясу, я хотела бы сейчас одеться как положено.

– Ты прекрасно выглядишь в том, что на тебе сейчас, – ответил он. – Несколько бесцветно, но лучше, чем было.

– Где моя ряса? – упрямо повторила она.

– Я от нее избавился, – спокойно сообщил он, кладя себе на тарелку мясо с блюда.

– Что ты сделал? – взвизгнула она.

– Не заводись так из-за старой тряпки. Боже мой, Тори, я видал старые седельные одеяла, которые выглядели лучше! Обойдись пока тем, что у тебя есть в шкафу, пока мы не достанем тебе обновки. У тебя там найдутся вполне приличные и приятные платья, так что не устраивай скандала.

– Джекоб, ты не можешь так поступать, – простонала она. – Это дурно! Ты представляешь, скольких часов поста и молитв будет мне стоять твоя выходка?

– В этом доме, Тори, никаких постов не будет, – успокоил он ее и указал на свободный стул. – Садись и поешь, пока все не остыло. А потом посмотрим, что можно сделать с тем беспорядком, который у тебя на голове, где раньше были волосы. Чем они их остригли? Тупым мачете? Твои волосы выглядят, как южный конец направляющегося на север козла!

Ее руки невольно взлетели к покрывающей голову шали, и она, покраснев до корней своих стриженных волос, набожно пробормотала:

– Тщеславие – это грех, Джекоб.

– Какого черта? При чем здесь тщеславие, Тори? Твои волосы были чудом красоты. С каких пор красота стала злом? Разве вечерняя заря – грех? А новорожденный жеребенок? А что сказать о совершенстве летней розы или переливающихся красках радуги?

– Это другое, – пробормотала она, растерянно наморщив лоб.

– Почему другое? Чем твои волосы были грешней? Когда они темными волнами спадали тебе на плечи, или сияющим атласным водопадом стекали по спине, или развевались, когда ты скакала верхом, смотреть на них было одно удовольствие. А это ощущение, когда они скользили сквозь мои пальцы, как шелк! – Его глаза, сверкающие расплавленным золотом, впились в нее. – Ты помнишь, как я любил расчесывать их, когда ты была маленькой? – Голос его звучал мягко и обольстительно, от него у Тори мурашки побежали по коже. – Я хочу снова расчесывать их тебе. Я хочу пропускать их сквозь пальцы и любоваться сверкающим полноволосым водопадом, смотреть, как тихо струятся они по твоей груди.

Не в силах вымолвить ни слова, Тори только смотрела на него, широко раскрыв растерянные зеленые глаза. Что с ней происходит? Почему она так реагирует на одни только звуки его голоса? Как это случилось, что глаза его захватили в плен ее глаза, и один лишь взгляд их заставляет все трепетать у нее внутри? Почему вся кожа ее горит, а сердце стучит, как в скачке?

Почувствовав ее смущение, Джейк скрыл улыбку. Прекрасно. Тори начинает реагировать на него как на мужчину, хотя он подозревал, что она сама еще не понимает причину своего смущения, а когда поймет, то, вероятнее всего, расстроится. Наверняка она сначала станет бороться со своим чувством, считая его греховным и запретным. По крайней мере, начало положено, есть первые признаки того, что она неравнодушна к его мужскому обаянию, пока достаточно и этого. Осторожными усилиями, тщательно выбирая подходящие ситуации, он сможет изменить их отношения.

Тори вышла из ванны и стояла, давая воде стекать на полотенце. Было удивительно приятно ощущать, как высыхает кожа в прохладе ночного воздуха, струящегося из окна спальни. День был жарким и утомительным, несмотря на то, что она выспалась. Долгие часы просидела она у материнской постели в ожидании тех редких мгновений, когда Кармен просыпалась в сознании. Тори молилась за нее и болела душой, когда мать вскрикивала от боли.

Снова приезжал доктор и, хотя он все еще остерегался внушать им чрезмерные надежды, казалось, был доволен тем, как протекает болезнь Кармен. Он оставил еще мазей и обезболивающих лекарств и дал несколько дополнительных советов о том, как кормить больную и ухаживать за ней. Теперь Кармен чаще бодрствовала и больше могла пить жидкость, так необходимую людям, пострадавшим от ожогов.

Кармен до сих пор не рассказывали о смерти Роя, но с каждым часом становилось все труднее скрывать от нее это. Скоро они должны будут открыть ей все и Тори молилась только о том, чтобы у матери хватило сил перенести это сокрушительное известие. Положение облегчалось тем, что дома были и она, и Джейк: Кармен в их присутствии успокаивалась и охотнее боролась за жизнь, зная, что они рядом.

Даже теперь, все зная, Тори с трудом верила, что сестры и матери-настоятельницы скрыли от нее состояние матери. Если бы не Джейк, не его властная настойчивость, она до сих пор

оставалась бы в монастыре, пребывая в блаженном неведении о трагедии, разразившейся у Бэннеров, и мать до сих пор бы звала ее, не понимая, почему единственная дочь не спешит к ней на помощь. Сотни раз на дню Тори благодарила Бога за упрямство Джейка, Ни за что на свете не согласилась бы она допустить, чтобы мать так страдала, а ее не было бы рядом для утешения и поддержки.

Хотя она старалась примириться со строгими правилами, запрещавшими передачу любых сообщений из внешнего мира к ней в монастырь, но не сделать этого в таких ужасных обстоятельствах, когда ее мать лежала при смерти, казалось просто бесчувственной жестокостью. Как решились они это сделать? Кармен могла умереть, тщетно призывая свою дочь, не зная, что дочь не бросилась к ее постели просто потому, что ничего не знала ни о пожаре, ни об ее увечьях.

Она считала бы, что Тори не любит ее, раз не захотела приехать, и тяжело переживала бы черствость своего единственного ребенка. И Рой умер и был похоронен задолго до того, как Тори узнала о несчастье.

Все это было так нечестно, несправедливо, что каждый раз при мысли об этом Тори не удавалось сдержать поднимающийся гнев. Она не могла не возмущаться и ежедневно молилась, чтобы Бог дал ей силы простить, чтобы она могла вернуться в монастырь без чувства обиды на сестер. Нельзя было возвращаться с таким негодованием в сердце, а Тори, несмотря на все угрозы Джейка, все еще собиралась туда вернуться, когда мать поправится.

За последние два года монастырь стал ее домом, и она испытывала глубокую нежность к сестрам-монахиням. Она любила тихие часы, безмятежную атмосферу, доброе участие. Покой, который обретала ее душа в молитве, с лихвой возмещал ей часы, проведенные на коленях. Боль в спине и коленках забывалась, когда душу ее наполнял мир. А улыбка девочки-сиротки, одной из тех, кого она помогала учить, стоила всех епитимий и тяжелой работы. Именно это пыталась она объяснить Джейку прошлым летом, но не сумела его убедить. Возможно, теперь, когда они оба дома вместе, она сможет добиться, чтобы он ее понял, но он, казалось, был решительно настроен не пускать ее обратно.

Потянувшись за ночной рубашкой, Тори мельком увидела себя в длинных зеркалах, украшавших передние дверцы гардероба. Было странно наблюдать свое отражение в разных рассеянных по дому зеркалах, потому что в монастыре зеркал не было вовсе. И теперь ей показалось удивительным отражение не только собственного лица, но и всего тела, обнаженного, гладкого, поблескивающего от воды.

Она понимала, что ей надо отвести глаза, но почему-то не могла заставить себя сделать это. Ее даже потянуло поближе. Несколько коротких шажков, и вот она у зеркала, зачарованно вглядывается в него. Улыбка тронула ее губы, когда она посмотрела на свои волосы и вспомнила старания Джейка с ножницами несколько часов назад. Он не разрешил Розе и Анне ему помочь и взялся за дело сам, бурча и чертыхаясь себе под нос. Результат получился совсем неплохой. По крайней мере теперь ее волосы были подстрижены ровно, а не торчали зубцами в разные стороны... Но Боже, какие же они короткие!

Сейчас, вымытые и почти высохшие, они мягкими кудряшками вились вокруг ее головки. Не примятые тяжелой вуалью, они курчавились легкой пушистой массой, как шерстка у толстенького щенка, который был у нее в детстве. Кудри обрамляли нежный овал ее личика, заставляя глаза казаться еще больше и ярче.

Глаза ее невольно скользнули ниже по обнаженному телу, и Тори порозовела от смущения. Прошло много месяцев с тех пор, когда последний раз она разглядывала себя так, как сейчас, и так же, как в тот раз, она почувствовала неловкость и странное возбуждение. Так вот что увидел Джейк, когда раздел ее прошлой ночью. Что подумал он о ее теле теперь, когда она была уже не ребенком, а взрослой женщиной? Не показалась ли ее грудь ему маленькой по сравнению с грудью других женщин, которых он видел? Не были ли ее ноги слишком корот-

кими, а колени слишком грубыми? Не счел ли он некрасивыми ее ступни и толстыми ее щиколотки? Понравилось ли ему вообще, как выглядит ее тело?

О своем теле трудно судить самой, но она попыталась поглядеть на него критически. Она сдвинула брови, увидев, какое оно бледное и худое. Исчез легкий золотистый загар, всегда его покрывавший, ведь столько месяцев прошло с тех пор, когда она последний раз ощущала на нем теплые поцелуи солнца. Хотя бедра ее еще оставались слегка округлыми, а талия такой же тонкой, как раньше, грудь казалась меньше. Она потеряла в весе, ноги и руки стали слишком худыми, а ребра делали верхнюю часть тела просто костистой. Даже лицо жутко осунулось, а темные провалы под скулами и под глазами напоминали череп. Кожа на локтях и коленях огрубела, кисти рук, прежде мягкие и гладкие, стали красными и стертymi.

Руки, двигаясь как будто независимо от ее воли, погладили длинную шею, спустились на грудь и замерли. Словно бы она стояла вне своего тела, снаружи, и смотрела на незнакомку в зеркале, видела, как напряглись у этой женщины темно-розовые соски, когда тонкие пальцы коснулись их. Но не другая женщина, а она сама ощутила, как что-то пробуждается в ней. Интересно, каково это – почувствовать на своем теле руки мужчины. Руки Джекоба, касающиеся ее.

Как во сне, ее руки скользнули по слегка выступающему животу, по округлостям зада и перешли к внутренней мягкой плоти бедер. Она уже вся дрожала, как в лихорадке, представляя себе большие, темные от загара руки Джейка на своей бледной коже. Понравится ли ему бархатистость ее мягкой теплой кожи? Получит ли он удовольствие, прикасаясь к ней? Будет ли ему...

И тут Тори опомнилась. Что это с ней? О чем она думает? Как позволила таким мыслям прийти к ней в голову? Руки ее прижались к щекам, огорченно запыхавшим от стыда за свое поведение. Стыд затопил ее отвращением к себе.

В порыве негодования она заставила себя снова поглядеть в зеркало, стараясь более реалистично увидеть все недостатки и пытаясь удостовериться, что ни один мужчина, и особенно Джекоб, не найдет ничего приятного в ее внешности и что это ее ничуть не огорчает.

– Наверное, вот отчего в монастыре не было зеркал, – сурово пробормотала Тори, – чтобы мы не сталкивались лицом к лицу со своим уродством и недостатками. Мы не будем знать, какими бледными и худыми мы стали, а значит, нас это не станет волновать. И вуали должны, наверное, спрятать от других эти ужасные стрижки, чтобы мы не пугались друг друга, встречаясь в коридорах монастыря или случайно замечая безобразное свое отражение в блестящем доньшке кастрюли.

– Ты совсем не безобразна, малышка. Звучный знакомый голос, казалось, отразился от стен комнаты, и Тори, круто обернувшись, увидела в дверях своего сводного брата. Испуганно вскрикнув от унижения, она схватила ночную рубашку, загородилась ею, пряча свое тело от его горящих золотых глаз. Джекоб толчком закрыл за собой дверь, и комната вдруг съежилась от его присутствия, стала мала для них двоих.

– У тебя красивое тело, Тори, а прелести лица могут позавидовать ангелы.

Снова обретя дар речи, Тори ахнула:

– Джекоб! Сколько времени ты здесь стоишь? Его жаркий взгляд пробежал по всему ее телу, и лишь после этого он ответил, лениво растягивая слова:

– Достаточно долго.

– Что... чего ты хочешь? – заикаясь, проговорила она, совершенно растерянная от его оценивающего взгляда и ласкающих интонаций голоса.

– Тебя, – прямо ответил он. – Я хочу тебя, Тори, но не раньше, чем ты тоже меня захочешь. И так же сильно.

– Что ты говоришь, Джекоб, не смей, – ахнула она. Ее начала бить дрожь, пальцы тряслись так сильно, что она едва могла удержать рубашку, которой загоразивала свое трепещущее тело от его взгляда. – Пожалуйста! Это грех! Ты об этом не должен даже думать!

Темная бровь поднялась, и он мягко ответил:

– Ангел, почему же не должен? Ты же думала. Я смотрел, как ты касалась себя, думая при этом обо мне. Ты думала о том, что почувствуешь, когда мои руки тронут твоё тело.

– Нет! – вскрикнула она. – Нет!

– Да, моя маленькая лгунья. На твоём лице было выражение женщины, мечтающей о прикосновении возлюбленного.

– Ты ошибаешься! Как могу я так думать о тебе? Ты же мой брат, Джекоб! Даже случайная такая мысль – страшный грех.

– Но я не брат тебе, Тори. Так что в этом нет ничего плохого. Между нами нет кровного родства. Нет беды и греха в том, что ты меня хочешь или что я хочу тебя. Нас за это молния не поразит насмерть. И души наши не будут приговорены к адским мукам из-за того, что нас влечет друг к другу.

– Но ты же мой брат, – неуверенно проговорила она. – Я всегда думала о тебе как о своём брате! И всегда буду думать только так.

Он медленно покачал головой.

– Напрасно, любовь моя. Отрицай, сколько хочешь, но мы оба знаем, что это не так, и чем скорее ты признаешь это, тем счастливее будешь. Не ешь себя поедом, дорогая, по поводу такого доброго и естественного чувства, как желание мужчины, особенно если этот мужчина – я. Неожиданно он ухмыльнулся:

– И ради всего святого, не приписывай себе воображаемых грехов. Ты и так за последние пять минут наврала столько, что мать-настоятельница переломала бы себе все руки.

Закрыв глаза, она взмолилась:

– Джекоб, пожалуйста! Ты не прав. Сжался надо мной. Это безумие, я не хочу это обсуждать дальше. Просто оставь меня в покое.

– Ладно, – легко согласился он. Так легко, что она удивленно открыла глаза. Мы поговорим об этом позднее.

– Нет, не поговорим. Я отказываюсь слушать от тебя еще хоть одно подобное слово.

– Мы поговорим позже, – повторил он. – А пока ложись спать, Тори, и пусть тебе приснится сладкий сон обо мне. – Он положил было руку на ручку двери, но вдруг усмехнулся снова и кивнул в сторону зеркала. – Между прочим, может, ты и прикрыла перед, но передо мной все время было восхитительное зрелище со спины. Очень захватывающее, малышка, и очень отвлекающее от разговоров!

У Тори даже дыхание перехватило. От его прощальных слов ее обожгло острым стыдом. Сердито вскрикнув, она схватила ближайший предмет – им оказалось лежавшее на туалетном столике ручное зеркало – и швырнула в его темноволосую голову. Зеркало разбилось на мелкие осколки с утешительным грохотом, но, увы, попав не в цель, а в торопливо закрывшуюся дверь. До нее донесся издевательский смех, проскрежетавший как терка по ее взвинченным нервам.

Униженная и разъяренная, Тори в бессильном бешенстве смотрела на кучу острых осколков у двери. Горячие слезы бежали по щекам.

– Будь ты проклят, Джекоб Бэннер! – отчаянно воскликнула она. – Погляди, что ты заставил меня наделать! Как будто у меня и так мало проблем. Теперь у меня будет семь лет неведения!

ГЛАВА 4

Тори намеренно игнорировала его. Джейк знал об этом, и какое-то время ситуация его забавляла. Верный признак того, что она им растревожена. Однако по прошествии двух дней веселья у него поубавилось.

Если бы Джейк знал, до какой степени он смутил ее ум и душу, наверняка он чувствовал бы себя гораздо счастливее. Тори совершенно запуталась, и ей не с кем было поделиться, не к кому обратиться за помощью, чтобы разобраться в сумбуре мыслей и чувств. Мать была слишком больна, чтобы обременять ее такими вещами, да и вряд ли Тори сумела бы с ней пооткровенничать.

Она решила на какое-то время выкинуть Джекоба из головы, а это означало по возможности держаться от него подальше. В течение дня, а часто и вечерами, она сидела с матерью, почти не видя его, встречаясь лишь за трапезой. Тогда она только отвечала, если к ней обращались, и отчаянно старалась не поднимать глаз от тарелки. Казалось, каждый раз, когда она осмеливалась на него взглянуть, золотые его глаза отвечали ей понимающим мужским смехом. Большею частью ей удавалось не обращать внимания на его подначки и уколы и побыстрее уединяться в своей комнате или у матери.

Но все-таки они жили в одном доме, и иной раз приходилось на него наткнуться. При этом сердце ее подскакивало к горлу, а пульс начинал стучать, как военный барабан. Первым чувством, охватившим ее тогда, был гнев, и он очень помог ей встретиться с Джекобом на следующее утро, но вскоре отступил перед переполнившими ее более сложными чувствами.

Джекоб хотел ее. Он сказал это без обиняков, ошибки тут быть не могло. Он хотел ее как женщину. Но это было лишь частью ее проблем. Из-за их противостояния Тори, воспринимавшая Джекоба как брата, начала все больше и больше думать о нем как о мужчине. Она вдруг посмотрела на него новыми глазами, вовсе не будучи уверенной, что ей этого хочется. Насколько проще было относиться к нему как к старшему брату, брату, который перевязывал ей маленькой коленки, который учил ее лазать по деревьям и ездить верхом, посадил на первого пони. Даже свои первые шаги она сделала именно к брату.

Думать о нем теперь как о мужчине, встречать его пылающие желанием глаза было невыносимо, в ее голове воцарилась невероятная сумятица. Она этого не хочет! Не хочет – и все! Снова и снова она повторяла себе, что, если не будет обращать на него внимания, все рассеется как дым, пройдет как плохой сон. У нее есть своя жизнь в монастыре. Она довольна ею. Зачем понадобилось Джекобу вернуться домой и все разрушить? Почему, когда он оказывается рядом, у нее перехватывает горло и начинают трястись руки?

Почему всему надо было поменяться? Пожар, смерть, болезнь... и внезапно маленький защищенный мирок Тори вывернулся наизнанку, и она больше ни в чем не уверена. Если бы она могла перевести стрелки часов назад, хотя бы на несколько коротких недель! Если бы Джекоб не превратился прямо у нее на глазах в незнакомца! Ей нужно время, чтобы все обдумать, привести мысли в порядок. Больше всего ей хочется, чтобы к ней вернулся ее брат... ее советчик и учитель... Он и сейчас не прочь учить ее, но совершенно другому. А Тори вовсе не уверена, что хочет о чем-нибудь таком знать.

– Ищешь чего-то, любовь моя? Голова Тори мотнулась вверх и больно ударилась о крышку тяжелого сундука, в котором она старательно шарила. Его звучный низкий смешок так и резанул ей по нервам.

– Ох! Ну тебя, Джекоб! Обязательно нужно подкрадываться?

– По-моему, это ты сама прокралась, Тори. Ты же роешься в моем сундуке и в моей комнате, – добавил он, окинув взглядом полуоткрытые ящики комода и вытащенные из-под кровати коробки. – Нашла что-нибудь интересное, кроме моих кальсон?

Ее лицо заалело, как летняя роза.

– Меня твоя одежда совершенно не интересует. Я ищу свою рясу.

– А-а, жаль-жаль, – поддразнил он ее, криво усмехнувшись. – А я уж было решил, что ты пытаешься выяснить, сплю ли я в ночной рубашке.

– Ты вроде бы собирался чем-то заняться вне дома? – проворчала она, потирая вскочившую на затылке шишку.

– Да вот решил сделать перерыв и на минутку заглянуть к Кармен. Знал бы, что поймаю тебя в своей комнате, пришел бы пораньше.

– Что ж, можешь уйти снова. Вместо ответа он игриво подмигнул ей.

– Ничего, милочка моя, не смущайся. Любопытство – дело естественное. Спросила бы напрямик, и я бы тебе ответил, что сплю нагишом. Тебе совсем не надо было трудиться и перебирать мои вещи. Имеются еще вопросы?

– Да! – прошипела она сквозь зубы, щеки и шея ее пылали огнем. Она стояла перед ним лицом к лицу, со сжатыми кулаками. – Когда ты успел стать такой мерзкой змеей? И, пропади ты пропадом, что ты сделал с моей рысью?

Покачивая головой, он снова издевательски ухмыльнулся, и на загорелом до черноты лице его белой молнией сверкнули зубы.

– Тебе ее никогда не найти, любимая. Но за небольшой выкуп я дам тебе вот это. – Он вытащил из кармана рубашки ее четки и стал покачивать у нее перед носом.

Тори потянулась за ними, но он отвел руку в сторону.

– Не-а, сладкая моя. Сначала ты должна заплатить за них.

Подозрение омрачило ее лицо, и она яростно пронзила его взглядом.

– Чем заплатить?

– Поцелуем.

– Поцелуем? – тупо повторила она, сердце ее заколотилось, как бешеное.

– Ага, – фыркнул он, весело глядя на нее. – Только не говори мне, что ты забыла, что такое поцелуй. Сначала надо слегка вытянуть губы, по том...

– Я знаю, что такое поцелуй, Джекоб, – сердито прервала она.

Он просиял с преувеличенным вздохом облегчения.

– Ф-у-у! От души отлегло! А то я уже беспокоился, что они в монастыре своими святыми поучениями совсем тебе голову задурили.

– Ты кощунственное чудовище! – возмутилась она.

– Если я Чудовище, то ты Красавица. Помнишь эту сказку? Как там все происходит? Красавица поцеловала Чудовище, как ты поцелуешь меня, если хочешь получить назад свои четки.

Тори старалась не терять самообладания, хотя ноги у нее готовы были подогнуться как ватные. Наконец, поняв, что торговаться он не будет, она кротко проговорила:

– Ты выиграл, Джекоб. Поцелуй – так поцелуй. Один.

Чтобы окончательно не растерять свою и без того шаткую решимость, она быстро потянулась к нему, чтобы по-сестрински чмокнуть в щеку. Но Джейк угадал ее намерение и тут же перехватил инициативу. Прежде чем ее вытянутые губки успели коснуться его щеки, он повернул голову и быстро поймал своими губами ее рот. Его руки обхватили ее и прижали к себе так, что она не могла вырваться.

Ошеломленный крик замер у нее в горле. Какое-то мгновение Тори пыталась освободиться, но его сильные пальцы сжали ее голову так, что даже не удалось отвернуться. Колени ее превратились в горячее желе, когда его теплый рот стал ласкать ее губы. Ласкать, уговаривать, дразнить, соблазнять так, как она и вообразить себе не могла. Черты его лица расплылись, закружились перед глазами, ресницы тяжело опустились, зато в остальном все ее естество

прямо разбушевалося. В желудке как будто акробаты кувыркались, не хватало воздуха, в ушах звенело и стучало. Она смутно поняла, что это отчаянно бьется ее сердце.

Давление его губ раздвинуло ей губы, чуть-чуть, но достаточно, чтобы язык Джекоба скользнул мимо зубов в рот. Его язык прикоснулся к ее языку, и огненная волна прокатилась у нее по телу, пожаром вспыхнула в животе. Она издала слабый стон, дрожь пробежала по спине, когда его зубы стали слегка покусывать ей нижнюю губку, а потом снова завладели губами. Желание вцепилось в нее яростной хваткой, грешное, чудесное желание, которого она никогда не знала, о котором даже не мечтала.

Все плыло у Тори перед глазами. Она отдалась на волю охвативших ее новых странных ощущений. Ноги у нее подломились, дав возможность Джейку притянуть ее к себе еще ближе, и Тори ощутила, как словно растворяется в нем. Даже сквозь все слои их одежды жар его тела опалял ее, раздувая пламя томления.

Джейк чувствовал, как она проникала в него, отдавалась ему, когда он вел ее через испытание первым настоящим поцелуем. Слабые жалобные звуки, которые она издавала, когда его губы притрагивались, играя, к ее губам, чуть не свели его с ума от желания. Первое робкое прикосновение ее языка, первые неловкие движения ее неумелых губ погнали в его жилах кровь со скоростью пожара в сухом лесу. В жизни у него было много женщин, и большинство из них весьма преуспели в искусстве доставлять удовольствие мужчинам. И тем не менее невинные губы Тори давали ему сейчас столько радости и пробудили такое пронзительное желание, какого он никогда раньше не испытывал.

Его захлестнула волна радости, радости обладания ею, и он бережно прижал ее к себе. Она принадлежала ему. Она была его частью, так же, как рассвет принадлежит утру. Иного он не хотел. Она была нужна ему так сильно... вся: сердце, тело, ум.

Очень медленно и осторожно (о, как осторожно!), собрав остатки самообладания, Джейк отвел свои губы, прервав поцелуй со всей возможной нежностью. Как ни хотел он ее, со страстью, поражающей его самого своим накалом, он понимал, что для Тори это все слишком ново. Больше всего, больше своей алчной страсти, он боялся ее испугать и не осмеливался торопить и нажимать. Она была такой юной, такой невинной и настороженной, как необъезженный жеребенок. Ей нужно было время, чтобы привыкнуть к мысли, что она его хочет, помечтать о нем как о возлюбленном. Ей нужно было время, чтобы начать думать о себе как о женщине, а не монахине. И, как бы больно ему ни было, он постарается дать ей время свыкнуться и смириться со своими пробуждающимися желаниями.

Когда губы Джейка ее покинули и он слегка отодвинулся от нее, Тори возвратилась в реальный мир. Судорожно хватая ртом воздух, заполняя напрягшиеся без него* легкие, она ошеломленно уставилась на Джейка, слишком потрясенная, чтобы решить, что именно она чувствует: злость, неудовлетворенность или разочарование (это, пожалуй, больше всего) – или смесь того, и другого, и третьего в сочетании со всевозрастающим ощущением вины.

Это был чудесный поцелуй, похожий на полет падающей звезды в небесах, но теперь, когда он кончился, Тори была растеряна еще больше, чем раньше. Она злилась, что Джекоб обвел ее вокруг пальца, что он осмелился позволить себе такую вольность, вольность, которую она никогда бы ему не разрешила сама. Но со злостью переплелось желание и чувство утраты. Она хотела, чтобы этот изумительный поцелуй длился и длился, чтобы никогда не разжимались твердые руки Джейка, обнимающие ее и его теплые губы на ее губах...

Но теперь, при мысли о том, как охотно откликнулась она на его поцелуй, с какой готовностью подчинилась его воле, Тори возненавидела себя. Как могла она так поступить? Как могла так легко поддаться страсти, этому земному зову его плоти? Неужели все материнские наставления и поучения монахинь можно так легко отбросить? Это дурно, это грех. Ей оставалось всего несколько месяцев до принятия первых обетов, связывающих ее как сестру благодати, и вот как доказала она свою веру, она – будущая невеста Христова.

С отвращением думая о своем и его поведении, Тори отвела свой полный боли взгляд от Джейка.

– Джекоб, ты не должен был так поступать, – проговорила она дрожащим голосом.

Огрубевшие от работы пальцы взяли ее за подбородок и снова повернули ее лицом к лицу.

– Почему же нет, Тори? – спросил он. – Мы оба получили удовольствие. Ты солжешь, если скажешь мне, что это не так.

– Это было неправильно, – сказала она; слезы мучительного раскаяния навернулись ей на глаза и замерцали, как светлячки теплой ночью.

– Потому что ты все еще думаешь обо мне как о своем большом брате?

– Нет, Джекоб. Потому что я собираюсь стать монахиней. Я должна прийти к моим обетам с чистым сердцем, чистой душой и телом.

Боль и гнев сверкнули в его глазах, подбородок окаменел, и он насмешливо поинтересовался:

– А каждое мое прикосновение тебя оскверняет? Не так ли, Виктория? Мои руки и мои губы пачкают тебя?

Одно то, что он назвал ее Викторией, показывало, насколько Джекоб на нее рассердился. Так он называл ее тогда, когда был страшно на нее зол. Она растерянно покачала головой.

– Ты переиначиваешь мои слова, Джекоб. Я со всем не так считаю. Просто для меня это неправильно. Я не должна так поступать.

– Как? Целоваться? Обниматься? – напряженно осведомился он и увидел, как она в подтверждение кивнула.

Он протянул к ней руки и, схватив ее за плечи, затряс так сильно, что у нее зубы застучали.

– Ты – женщина, Виктория. Красивая, желанная женщина из плоти и крови! Будь проклято все! Неужели ты не можешь признаться в этом себе самой? Возможно, лицо у тебя ангельское, но Бог дал тебе тело женщины. Ему предназначено оживать от прикосновения мужчины. Тебе полагается ощущать желание и томление. В этом нет ничего неправильного, так положил Господь Бог. Желание – не грех. Испытывать его хорошо и правильно. Твои груди предназначены вскармливать детей, твои руки – качать их. Твое тело сделано таким образом, чтобы принять мужское, укрыть в себе его семя и носить его детей, а не копытеть в каком-нибудь старом монастыре, пока красота твоя не увянет, а душа не высохнет.

– Джекоб, здесь моей душе грозит больше опасности, чем в монастыре. Там она взмывает в небо, там мое сердце поет от радости. Я пытаюсь объяснить тебе это, но ты отказываешься понимать. Неужели ты не видишь, что я люблю свою жизнь с сестрами! Мои дни полны молитвой и хвалой Господу и таким внутренним покоем, который не поддается описанию. Только другие сестры могут по-настоящему понять то, о чем я пытаюсь тебе рассказать. Мой мир так прекрасен, покой так безмятежен, а благочестие так утоляет душу, что мне больше ничего не нужно. А удовлетворение, которое я получаю, ухаживая за сиротами, наблюдая, как загораются их личики смехом и радостью, стоит любых моих жертв.

– У тебя должны быть свои дети, – продолжал он, нахмурившись, ненавидя тихое сияние, снизошедшее на ее лицо, когда она говорила о своей жизни в монастыре. По силам ли всего лишь мужчине соперничать с этой глубокой верой, особенно такому мужчине, как он?

– Все сироты и есть мои дети. Я люблю каждого из них.

– Я знаю, что ты их любишь, милая, – стараясь говорить рассудительно, ответил он. – Но это не то же самое, что выносить собственных сыновей и дочерей в своем теле, плоть от плоти, кость от кости. Ты никогда не почувствуешь, как ребенок растет и движется в тебе. Неужели ты не мечтаешь ощутить это, Тори? Не почувствуешь себя обманутой, если этого не будет? Можешь представить себе на своих руках своего ребенка, порожденного любовью между тобой

и любящим тебя человеком? А я действительно люблю тебя. Я хочу дать тебе этих детей, Тори. Я хочу видеть, как ты круглеешь, беременная ими, ощутить, как они движутся в твоём животе. Я хочу взглянуть на лица своих сыновей и дочерей и увидеть твои глаза, твой нос в крошечных детских чертах.

Нежно, горестно, со слезами, сияющими на её лице, Тори протянула ладонь и приложила к его губам, чтобы заставить их умолкнуть.

– О Джекоб, Джекоб! Не поступай со мной так! Ты заставляешь меня сомневаться во всем, чего я так долго хотела и чем была довольна. Ты потрясаешь опору моего мира, моей веры.

– Я не хочу разрушить твою веру, ангелочек мой, – мягко успокаивал он её. Его золотистые глаза не отрывались от её лица, которое он сжал в своих ладонях. – Если хочешь молиться, молись. Хочешь пойти в церковь? Иди. Хочешь учить детей в сиротском приюте? Учи. Я не собираюсь отбирать у тебя твою веру, я хочу твоей любви. Отдай мне свое сердце, Тори, свой ум, свое тело, а Бог пусть оставит себе твою душу. – Нежно поцеловав её в лоб, он отнял руки от её лица и, бросив последний задумчивый взгляд, повернулся и оставил её, растерянную и потрясенную.

Зная, что Джекоб хотел поговорить с доктором Грином, после того как он осмотрит Кармен, Тори побежала искать его. Не сумев найти Джейка в основной части дома и в ближних строениях, она решила, что, возможно, он поехал проверять скот. Уже возвращаясь в дом мимо сгоревшего крыла, она заметила его сквозь пустую оконницу выгоревшей отцовской спальни. Джекоб стоял внутри. Только после убийства Кэролайн видела Тори Джекоба таким подавленным, и сердце её рванулось к нему разделить печаль.

Не обращая внимания на баррикады из обгоревших досок и мебели, Тори тихонько пробралась к нему. Он стоял, полуотвернувшись от неё, и она увидела, как сгорбились его плечи, сотрясаясь в безмолвных рыданиях. При виде его боли слезы выступили у неё на глазах. Она была почти рядом, когда он наконец заметил её. Глаза Джекоба блестели непролившимися слезами, резкие складки горя бороздили его лицо, на котором и так, несмотря на его двадцать семь лет, был виден отпечаток тяжелых дней.

Глаза их встретились, взгляды сомкнулись на какой-то бесконечный промежуток времени. Без слов Тори распахнула руки ему навстречу, приглашая разделить боль с ней, найти утешение в её объятиях. С минуту Джейк колебался, пристыженный тем, что она застала его в таком уязвимом состоянии, взбунтовалась мужская гордость. Затем каждый из них сделал шаг вперед, к другому, и вот она уже прижимала его к себе, крепко обвив руками.

Его широкие плечи вздрагивали под её ладонями, она склонила его голову к своему тонкому плечу.

– Ничего, Джекоб, – мягко повторила она баюкающим голосом. – Ничего, это правильно – по нему поплакать. Он был твоим отцом, и ты любил его. Он тоже любил тебя. – Она нежно потянула его вниз, пока они оба не сели на пол, черный от сажи, чего ни один из них не заметил. Она притянула его голову к себе на грудь, прижала к сердцу. Её руки гладили его темные волосы, она укачивала его и тихо бормотала утешенья.

И тогда он заплакал. Рыдания сотрясали его большое тело, приникшее к ней, как ребенок к матери. Слезы Джейка промочили ей платье, а её слезы падали на его склоненную голову, как капли дождя. Сердце Тори разрывалось от разделенной печали, от мучительной его потери.

Постепенно его рыдания стихли, но, когда он хотел смущенно отодвинуться от неё, она не разжала объятий.

– Нет, Джекоб. Дай мне поддержать тебя. Позволь мне отдать тебе сейчас мою силу.

Он снова расслабился, прислонясь к ней, и так сидели они тихо вместе неизвестно сколько времени, обнимая друг друга. Наконец он заговорил, и голос его звучал глухо и хрипло:

– Наверное, я любил его больше, чем полагал. Никогда бы не подумал, что его смерть будет для меня таким ударом. Мне не хватает этого лысого старика. – Голос его прервался, он подавлял слезы, вновь подступившие к горлу.

– Знаю, Джекоб, – мягко промолвила она. – Знаю.

Еще какое-то время она продолжала прижимать его к себе, потом, вспомнив, почему начала разыскивать его, легко поцеловала в макушку и прошептала:

– Джекоб, доктор скоро уедет. Ты еще хочешь поговорить с ним о маме?

С глубоким вздохом Джейк слегка отодвинулся от своего изголовья, от груди Тори. Он старался не поворачивать к ней голову, чтобы скрыть опухшее от слез лицо, но голос его осип и звучал хрипло:

– Ага. Почему бы тебе не пойти к нему и сказать, что я подойду через несколько минут.

Тонкие пальчики погладили его горящие щеки, невзирая на сопротивление, ласково повернули его лицо. С нежностью, от которой у него перехватило дыхание и которая чуть не заставила его снова заплакать, ее прохладные губы легонько коснулись его опухших век. Затем неожиданно и трогательно ее ласковый язык слизнул соленые слезы с его лица. Как кошка-мать, умывающая своего котенка, Тори успокаивала его своими теплыми влажными ласками.

Джейк знал: проживи он еще хоть сто лет, никогда ему не забыть этого мгновения. Оно сохранился в его сердце как сокровище. Он огорчился, когда Тори осознала, насколько интимным был ее жест, почувствовала неловкость и, дав смущению пересилить свой душевный порыв, отодвинулась от него. Яркие пятна румянца вспыхнули у нее на щеках, она неуклюже поднялась на ноги и пробормотала:

– Пойду скажу доктору Грину, что ты сейчас будешь, – и кинулась из комнаты, не желая и не в силах встретиться взглядом с его растерянными золотыми глазами.

ГЛАВА 5

Доктор был более, чем когда-либо, озабочен состоянием Кармен.

– Ее легкие очень ослаблены, и при прослушивании мне показалось, что они наполняются жидкостью, – мрачно сообщил он Джейку. – Я сказал бы, что она близится к какому-то кризису, и, преодолеет ли его или нет, угадать невозможно. – Уже собираясь уходить, он добавил: – Посылайте за мной, если понадобится, сделаю что смогу. А пока я велел Розе соорудить над постелью Кармен что-то вроде палатки из одеял. Она должна поставить под них горшки с кипящей водой и листьями коровяка, чтобы облегчить дыхание, и еще я наказал прикладывать Кармен прямо к груди камфорный компресс.

Глотая слезы, Тори спросила слабым голосом, резанувшим Джейка по сердцу:

– Как вы думаете, должны мы послать за отцом Ромеро?

Сожалеея, что не может дать другого ответа, доктор кивнул:

– Неплохая мысль, и, так как я поеду к ранчо Шедли мимо церкви, мне не составит труда пере дать отцу Ромеро, чтобы он навестил вас.

Днем приехал молодой священник. От одного его присутствия и молитв Кармен, казалось, стало легче, и Тори порадовалась, что они послали за ним. Он оставался почти до вечера, и Тори нашла время поговорить с ним наедине и исповедаться. Затем, так как Кармен хуже не становилось, добрый отец уехал. Как и доктор, он сказал Тори немедленно позвать его, если он снова понадобится.

– Я приеду в любое время дня и ночи, – пообещал он.

Тори отчаянно молилась за жизнь матери. Она знала, что примет волю Господа, какой бы она ни была, но сию минуту ей было трудно смириться. За то короткое время, что Кармен начала было выздоравливать, они снова стали так же близки, как перед отъездом Тори в монастырь. Хотя матери было трудно говорить, она расспрашивала Тори о ее жизни среди сестер. Ей хотелось знать, была ли Тори счастлива, о чем мечтала, скучала ли по дому и старым друзьям, не жалела ли о своем выборе. Тори долгими часами разговаривала с матерью, все время стараясь скрыть свою все возрастающую растерянность, свои новые мучительные отношения с Джейком. Она проявляла чудеса изворотливости при любом упоминании о Рое, инстинктивно понимая, что Кармен еще недостаточно окрепла, чтобы вынести известие о его смерти. Вместо этого она читала ей, расчесывала волосы, болтала о друзьях и соседях. Она рассказывала ей все мало-мальски интересные подробности своего пребывания в монастыре, а когда Кармен хотелось поговорить самой, Тори расспрашивала мать о том, что произошло на ранчо в ее отсутствие.

Теперь легкие Кармен были так переполнены застоявшейся жидкостью, что она почти не могла дышать, не то что говорить. Тори могла лишь сидеть у постели матери, молиться за нее, держать за руку и утешать – в меру своих слабых возможностей. Хотя она была благодарна судьбе за каждую минуту, что они проводили вместе, ей хотелось большего... несравненно большего... Она хотела, чтобы мать совсем поправилась. Это стало главной ее молитвой, которую она повторяла дрожащими губами снова и снова. Но, несмотря на всю свою веру, она боялась, что на этот раз одних молитв будет мало.

Джейк не обратил особого внимания, когда Тори в тот вечер не стала обедать, а просто составила компанию за обеденным столом ему и отцу Ромеро. Она была расстроена и очень встревожена состоянием матери и выглядела совсем удрученной и подавленной. Во время разговора она старалась не встречаться с Джейком взглядом, и он решил, что она снова почувствовала себя неловко. Впрочем, Джейк и сам был смущен. Этим утром он впервые после смерти Роя дал волю своему горю. Напряжение давно копилось и наконец прорвалось, он расплакался,

как ребенок. Но Тори была такой милой; хорошо, когда есть кому в такую минуту тебя обнять и разделить твою горе.

Когда Тори на следующее утро не вышла к завтраку, а потом и к ленчу, он попытался не обращать на это внимания. Но когда подали обед, а ее стул оставался свободным, Джейк поймал Розу и спросил, что происходит. Роза, пожав плечами, сказала:

– Я знаю только то, что вижу, сеньор Джекоб. С тех пор как приходил отец Ромеро, сеньорита Тори только и знает, что молится и сидит с матерью. Когда ни зайдешь, всегда она на коленях, голова опущена к четкам. Даже по ночам я слышу, что она не спит в своей комнате, а молится.

Губы Джейка сжались.

– Приведи ее, Роза. Скажи, что я хочу с ней поговорить. Сейчас же.

Когда Тори вошла в комнату. Джейк кивнул ей на стул.

– Садись и ешь, пока еда не остыла, Тори. Она села, но есть не стала.

– Я не могу, Джекоб.

– Можешь и будешь, – упрямо возразил он. – Ты хочешь заболеть? Что с тобой?

– Ничего. Я просто пока не могу есть.

– Почему?

Она бросила на него яростный взгляд, говоривший, что это не его дело, но когда он сурово ответил ей тем же, она призналась:

– Я пощусь, Джекоб. Если хочешь знать, это входит в мое покаяние.

– Какое покаяние? – жестко допытывался он.

– В епитимью, которую отец Ромеро наложил на меня после того, как выслушал вчера мою исповедь. Я же говорила тебе, что я неправильно поступила, переодевшись в мирскую одежду. Я просила тебя вернуть мне мою рясу. Теперь придется расплачиваться за твоё упрямство и за свои грехи. Отец Ромеро обещал мне, когда придет, принести другую рясу, и он не в восторге от той роли, которую ты в этом сыграл.

– Хуже того, отныне причин для восторгов будет у него еще меньше, – твердо заявил Джейк. – Я уже говорил тебе, что в этом доме постов не будет. И не шутил. Ты сейчас поешь, Тори, даже если мне придется привязать тебя к этому стулу и кормить, как ребенка, – и, поймав на себе ее непокорный взгляд, предостерег: – Попробуй только не подчиниться, Тори. Только посмей...

С угрюмым видом Тори взяла ложку и начала есть суп, а начав есть, не могла остановиться. У нее разыгрался бешеный аппетит, и в течение нескольких минут она, как волк, уничтожила остальную еду, стараясь не обращать внимания на смешки и ехидные комментарии Джекоба:

– Не съешь рисунок с тарелки, дорогая. У Розы на кухне есть еще еда, не волнуйся.

Когда Тори закончила свою трапезу и отодвинулась от стола, ее охватило чувство вины за свою слабость. Точно поняв выражение ее лица, Джейк сказал:

– Если тебе действительно необходимо наказать себя, думаю, мы сможем что-то придумать без твоего голодания. У меня создалось впечатление, что тебе нравится стоять на коленях, скрести и мыть. Что ж, после пожара этому дому не помешает хорошая уборка. Раз ты все равно проводишь на коленях день и ночь, мы можем убить одним выстрелом двух зайцев. Ты можешь чистить и молиться одновременно. – Он отодвинулся от стола, неприятно усмехнулся и направился к двери. – Начни с залы и постарайся отмыть ее как следует, потому что я проверю, когда ты закончишь.

Она яростно сверкнула глазами.

– Ты тиран, Джекоб Бэннер! – крикнула она ему в спину. – Почему ты не купишь себе остров и не объявишь его своей страной? Из тебя выйдет великолепный король!

Джейк рассмеялся:

– Приступай к делу, Тори. Только ничего не трогай в комнате Роя, пока я тебе не скажу.

Джейк не хотел, чтобы комнату Роя тревожили, хватит того, что уже сделано. У него имелись на то причины, было нечто такое в этой комнате, что его беспокоило, но он не мог толком понять, что именно. В очередной раз стоял он посреди отцовской спальни и, нахмурясь, оглядывался по сторонам. Что-то здесь не так, что-то не на месте. Что же такое заставляет его стискивать зубы и морщить лоб так, что волосы на голове ходят ходуном?

Прищуренные глаза Джекоба обшаривали комнату, разглядывая поодиночке каждую подробность. Постель стояла там же, где всегда, матрас и постельное белье обугленными клочьями валялись между остатками сгоревшей, перекошенной кроватной рамы. Рядом стоял ночной столик, чтобы Рою было удобно ночью дотягиваться до очков и лампы. Подойдя поближе, Джейк увидел, что очки Роя стали просто оплавленным металлом с растрескавшимся стеклом и припаялись к верхней крышке столика. Металлическая пепельница превратилась в бесформенный ком, внутри которого видны были сгоревшие остатки сигары. Лампа грудой зазубренных осколков лежала на полу с другой стороны кровати. Но где же маленький колокольчик, всегда находившийся на столике и бывший для Роя единственным средством, если нужно позвать кого-либо среди ночи? Почему он им не воспользовался? Или Рой задохнулся дымом до того, как успел до него дотянуться?

Обыскивая комнату, Джейк наконец заметил частично расплавившийся колокольчик в дальнем углу комнаты. Почему он здесь? Может, Рой позвонил, а потом разозлился, что никто не идет, и зашвырнул колокольчик в угол? Если это так, значит, он проснулся. Но если он не спал, почему никого не дозволялся? Почему его никто не слышал? И когда упала на пол лампа? Может быть, Рой случайно сбросил ее со столика, и от этого начался пожар, а вовсе не оттого, что он курил в постели, как все считали? И вдруг глаза Джейка расширились, до него дошло... лампа лежала на полу не с той стороны кровати! Если бы лампа упала со столика, она была бы с правой стороны, а не с левой, где сейчас валялись осколки.

Совсем озадаченный, Джейк продолжал осматривать комнату в поисках подтверждения растущих подозрений. Темные брови его сошлись, когда он заметил, что кресло-коляска Роя стоит не рядом с кроватью, а в противоположном углу комнаты. Когда и как оно туда попало? Отодвинули ли его работники ранчо, когда поднимали с кровати тело отца? Ясно одно: кресло находится не на своем обычном месте, рядом с кроватью, чтобы Рой мог легко перебраться в него, когда захочет. Внимательно осмотрев кресло, жалобно осевшее на бок на сгоревших деревянных колесах, Джейк решил, что работники здесь ни при чем. Конечно, он спросит, но, судя по всему, его после пожара не двигали.

И почему в комнате до сих пор стоит сильный запах керосина? Несомненно, он вытек из лампы, когда она разбилась, послужив, возможно, началом пожара, но запах был слишком силен. Комната пропиталась им насквозь. Даже противоположная от кровати стена воняла так, будто здесь все хорошенько облили и подожгли.

Неужели так оно и было? Может быть, эта мысль и стучалась все время в сознание Джейка? Мог ли кто-то незаметно войти в комнату, скажем, через двери, выходящие во двор, и нарочно устроить пожар, предварительно убив Роя или оглушив и оставив без сознания, чтобы он сгорел заживо? Может быть, именно убийца отшвырнул в другой конец комнаты колокольчик, возможно, когда Рой проснулся и пытался позвать на помощь? Боролся ли Рой со своим убийцей? Или этот человек пытался представить пожар случайностью, разбив керосиновую лампу, но сделав это неумело, бросив ее на пол не с той стороны кровати?

Джейка затошнило... буквально затошнило от этих мыслей, вихрем взметнувшихся в голове. Или он ошибается, или его отец был убит! Кто-то устроил пожар, отодвинул кресло-коляску Роя, чтобы инвалид не мог до него дотянуться, и оставил его умирать чудовищной смертью. Джейк мог надеяться разве на то, что отец в это время был без сознания.

Джейк стал задыхаться и, шатаясь выбрался из комнаты в состоянии какого-то оцепенения. Голова и желудок взбунтовались при одной лишь мысли о таком исходе, и вместе с тем он нутром чуял, что прав. Пожар этот не был случайным, как думали здесь все. Кто-то намеренно убил Роя Бэннера. И считает, что ему удалось безнаказанно проделать это. Но кто? И почему? С какой целью? Джейк собирался разобраться в этом, а когда разберется, то убийца дорого заплатит. Так же дорого, как убийцы Кэролайн... своей собственной жизнью.

Следующие два дня Тори яростно чистила и мыла дом, а Джейк гневно размышлял. Будучи сама в мрачном настроении, Тори не сразу поняла, что Джейка что-то гнетет. Уход за матерью, чье состояние, к несказанному горю Виктории, постепенно ухудшалось, и порученная Джейком работа занимали Тори с утра до вечера. По правде говоря, ее загруженность оказалась просто спасением. К концу дня, едва успев добраться до подушки, Тори в изнеможении засыпала. Сил и времени на тревоги у нее просто не оставалось.

Она не знала, что несколько раз Джейк пробирался к ней в комнату проверить, как она, и долгие минуты стоял над нею в молчаливой тоске. Он разрывался между желанием доверить ей свои подозрения и желанием защитить от лишних тревог. Груз всех проблем лежал на его плечах тяжким бременем: постоянное беспокойство о Кармен и Тори, заботы по ранчо, а теперь вот попытки сообразить, кто мог убить Роя.

Он потихоньку расспросил некоторых из наиболее надежных работников, но никто ничего подозрительного в ночь пожара не видел. И никто не отодвигал кресло-качалку Роя на его теперешнее место. За исключением того, что они помогли потушить огонь прежде, чем весь дом выгорит внутри, они только вынесли из спальни тело Роя и похоронили его. С тех пор никто из них в ту комнату не заходил. В этом ни у кого не было нужды: там все сгорело дотла.

Они были очень удивлены, когда Джейк рассказал им о своих подозрениях: все считали пожар трагической случайностью, вызванной, по всей видимости, самим Роем. Ни у кого не было никаких соображений насчет того, кто мог устроить поджог и убить Роя. Все, кого он спрашивал, так же терялись в догадках, как и он. Насколько они знали, у Роя врагов не имелось... по крайней мере таких, которые ненавидели его настолько, чтобы желать ему смерти.

– А ты в этом уверен, мальчик? – скептически спросил Джилл.

– Насколько можно быть уверенным без новых доказательств, – устало ответил Джейк. – Джилл, в этой комнате каждая вещь была хорошенько полита керосином, и лампа брошена на пол не с той стороны кровати, с какой она обычно стояла. Объясни мне, как она там очутилась? Отец сделать этого не смог бы. А что, ради всего святого, делало его кресло в противоположном конце комнаты? Говорю тебе, Джилл, кто-то устроил этот пожар и позаботился, чтобы старик оказался пойманным в своей кровати, как крыса в капкан! Я знаю это так же твердо, как и то, что сейчас стою перед тобой. Нутром чувствую, будь все проклято! Я слишком долго жил своей интуицией, чтобы ошибаться в таких делах.

– Тогда, Джейк, нам надо быть очень осторожными. Тот, кто это устроил, проделал все чисто, но он вернется. Может, что-то искал, думая, что это у Роя, и, может, не нашел. Не появился же он просто чтобы убить Роя без всяких причин или просто потому, что невзлюбил его.

– Я тоже так считаю, Джилл. У меня есть предчувствие, что нам еще предстоят неприятности.

И много думал об этом. Если убийца просто хотел смерти Роя, зачем поджигать дом? Почему не прокрасться и не зарезать или не задушить его во сне? Тот, кто это сделал, хотел уничтожить дом и хотел, чтобы это выглядело как несчастный случай. Но я не понимаю, почему?

– И кто, – озабоченно добавил Джилл.

– Верно. И, пока мы это не выясним, нам надо держать ухо востро. Жизнь Кармен висит на волоске, Тори теперь тоже может оказаться в опасности. Как и все мы. Так что с этого времени будем караулить днем и ночью. И я, лично, шкуру спущу с любого, кого застану пьяным

или спящим, когда он сторожит. Предупреди всех заранее, чтобы не оправдывались попусту, если произойдет несчастье и нас застигнут врасплох, потому что какой-то болван оплошал.

Глаза Кармен были закрыты, она притворилась, что спит, пока не услышала, как Тори легкими шагами вышла из комнаты. Тогда она их открыла и стала вглядываться во мрак палатки, сооруженной над кроватью из одеял.

– Роза? – прохрипела она. Около нее тут же возникла Роза.

– Si, сеньора? Вам что-нибудь нужно? Может, еще подушку? Или воды попить?

Кармен слегка покачала головой, пытаясь сдержать приступ кашля, сотрясавшего все ее тело.

– Скажи... скажи мне насчет Тори, – сильным голосом проговорила она.

– Ох, с сеньоритой Тори все хорошо, – мягко успокоила ее Роза, – о ней не беспокойтесь. Старайтесь только поправиться. У Тори одна забота – ваше здоровье.

Кармен снова покачала головой.

– Что-то не так. Ее что-то гнетет.

– Только то, что вы болеете, – настаивала Роза. – Вам надо поправиться ради нее, ради всех нас.

– Не лги мне... Роза. Есть что-то еще. Джекоб? Ты знаешь. С... скажи мне, – глаза Кармен молили служанку и подругу быть с ней прав дивой.

Роза вздохнула, размышляя, сколько можно рассказать хозяйке.

– Они спорят, сеньора. Сеньор Джекоб... ему не нравится мысль о том, что Тори принадлежит церкви. Он хочет, чтобы она оставалась дома. А Тори выходит из себя так же быстро, как раньше, когда была маленькой и Джекоб ее дразнил. Эти двое, они как кошка с собакой.

– Любят друг друга, – слабым голосом сказала Кармен.

– Si, – согласилась Роза, избегая острого взгляда Кармен. – Конечно любят. Они всегда были так близки друг другу.

– Нет, Роза, – с улыбкой поправила ее Кармен. – Послушай. Я знаю. Любовь... настоящая любовь, – ее глаза снова просили Розу о подтверждении. Она, конечно, больна, но надо быть совсем мертвой или глухой, чтобы не слышать всех споров, которые происходят в доме последнее время, и не понять, о чем они.

Роза пожала плечами.

– Может, вы и правы, – признала она. – По крайней мере Джекоб. По его глазам это может видеть каждый, и, думаю, Тори теперь знает об этом.

Кармен попыталась снова заговорить, но слова заглушил жестокий приступ кашля. Наконец, так тихо, что Розе пришлось низко наклониться над ней, чтобы расслышать, она выдавила:

– Смущает ее.

Роза кивнула, ласково похлопывая подругу по руке.

– Si, – ее очень это смущает, Кармен. Она так долго представляла себе монахиней, а до этого маленькой сестренкой Джекоба. А теперь внезапно увидела себя глазами Джекоба как женщину и не знает, что ей об этом думать. По-моему, иногда эта мысль ей очень нравится, но чаще это ее пугает и заставляет чувствовать себя виноватой.

Кармен вздохнула, как бы полностью поняв и согласившись с ней.

– Разберутся, – удалось проговорить ей. В следующее мгновение она уже спала, но Розе показалось, что уголки ее губ слегка приподнялись в улыбке.

ГЛАВА 6

Состояние Кармен ухудшилось в мгновение ока. Минуту назад казалось, что она в конце концов выиграет битву с отеком легких, а в следующую она уже боролась за самую жизнь, и каждый вдох мог стать последним.

Тори дремала в кресле у постели матери и вдруг проснулась. Сначала она не поняла, что именно ее разбудило, но потом осознала, что это был звук материнского дыхания, такого тяжелого и трудного, как никогда раньше. Быстрый взгляд на лицо Кармен все объяснил, оно было почти фиолетовым от напряжения, с которым она пыталась втянуть в себе воздух, в груди что-то ужасающе булькало. Случилось то, чего они все боялись, о чем все время предупреждал доктор Грин. Сколь бы нелепым это ни казалось все время удушающей июньской жары, у Кармен началась пневмония.

Тори положила руку на лоб матери, и подтвердилось то, что она уже знала: Кармен горела в лихорадке. Кожа ее просто обжигала, и одновременно она дрожала от озноба. В одно мгновение Тори кинулась из комнаты за Джекобом, неслась не помня себя, насколько позволяли подгибающиеся ноги. Стукнув один раз в дверь, она не стала ждать ответа, широко распахнула ее и ворвалась к нему в спальню:

– Джекоб! Идем скорее! По-моему, она умирает!

Торопливо натянув простыню на голое тело, Джек растерянно заморгал. Он столько раз воображал себе Тори в своей спальне и своей постели, что реальность не сразу дошла до него. Затем ее отчаянный вопль проник в его отуманенную сном голову и немедленно прояснил ее.

– Возвращайся к ней. Дай мне надеть штаны, и я тут же приду.

– Поспеш, Джекоб! Пожалуйста, поспеш! – истерически вскричала Тори. – Я боюсь! О Боже мой! Я просто не знаю, что мне сделать для нее! Она горит в лихорадке!

– Я пошлю одного из мужчин за доктором, а ты разбуди Розу. Протирайте ее вдвоем мокрыми тряпками. Может быть, это немного снимет жар.

Она бросилась из комнаты. Джейк уже почти встал с кровати, когда она вбежала обратно.

– Джекоб, тебе лучше послать и за отцом Ромеро! – Она повернулась было к двери, но снова обернулась, как раз когда с его тела упала простыня и он потянулся за брюками, но была слишком встревожена, чтобы обратить внимание на его вид. – По-моему, у нее пневмония! Не будет ли ей хуже от холодной воды?

– Тори! – завопил он. – Делай, что тебе говорят, и уберись из моей комнаты, чтобы я мог одеться! Возьми себя в руки, женщина! Раз дошло до этого, какой вред принесут несколько капель воды?

Он тут же рассердился на себя за то, что наорал на нее, когда она так расстроена, и более ласково добавил:

– Иди, любовь моя. Иди, дорогая. Я сейчас приду.

Они отчаянно старались как-то снять жар у Кармен, делая все, что могли, пока наконец не приехал доктор Грин. Сразу же за ним появился отец Ромеро. Джейка и Тори, оцепеневшую от страха и поэтому почти бесполезную, выдворили из комнаты. По просьбе доктора Роза осталась помогать ему и отцу Ромеро.

Тори и Джейк сидели в зале, а минуты тянулись бесконечно. Тонкие пальцы Тори разболелись оттого, что она непрерывно ломала их, а Джейк впервые за долгое время сгибал и разгибал кисти рук, треща суставами.

– Пожалуйста, прекрати! – резко воскликнула Тори. – Этот треск и твои метания туда-сюда действуют мне на нервы!

– Прости, – пробормотал он, шлепаясь на диван и проводя трясущимися пальцами по взъерошенной голове. В отместку, заметив, что она грызет уже третий ноготь, он не утерпел и ехидно произнес:

– Я думал, что монахини научены терпению. Или ты этот урок тоже не выучила, Тори?

К его ужасу, она разрыдалась слезами, и он почувствовал себя мерзкой тварью.

– О Господи! Милая, не плачь! – взмолился он. – Боюсь, что не смогу сейчас выдержать еще и это. Умоляю! Кричи! Швыряйся чем-нибудь! Только, пожалуйста, не плачь! – Он протянул руки, перетащил ее со стула к себе на колени и, обняв, как ребенка, принял на себя ее отчаянные рыдания, сотрясавшие теперь их обоих.

– Я... б буду... п-плакать, когда... з-захочу, Джейк... Б-Бэннер! – рыдала она, колотя кулачками ему в грудь.

Он захватил ее кулачки в свою большую ладонь и теснее прижал к себе, мягко повторяя утешения.

– У нас с тобой появилась ужасная привычка, малышка, – сказал он. – Если мы не избавимся от нее в самое ближайшее время, нам придется строить лодку.

Нерешительный смешок перешел во всхлип.

– Ковчег, – возразила она, пытаясь пошутить в ответ.

– Ну-ну, милая, я животных люблю, как, в общем, и людей, но не будем зарываться.

Она перестала плакать, но не сделала попытки покинуть утешительный покой его объятий. Так и нашла их Роза, когда ворвалась в комнату.

– Идите быстрее! – задыхалась она. – Кар мен спрашивает вас обоих.

Тори побелела как свежий снег и, если бы не поддержка обнимающей руки Джекоба, не смогла бы пройти короткое расстояние, отделявшее залу от комнаты матери. Почти в дверях она внезапно уперлась:

– Джекоб! Я боюсь! Я не могу войти туда! Я не могу смотреть, как моя мать умирает!

– Я буду с тобой, – пообещал он, – не оставлю тебя ни на минуту, – и когда ее подгибающиеся ноги все равно отказались двигаться, сказал: – Тори, милая, она зовет тебя. Ты сейчас нужна ей. Если не пойдешь, потом никогда не простишь себе этого. Ты же знаешь.

Она кивнула и крепче прижалась к нему.

– Останься со мной, Джекоб. Останься со мной.

– Останусь.

Дрожа так сильно, что пришлось стиснуть зубы, чтобы они не стучали, Тори вошла в комнату, Джекоб шел рядом. Она нерешительно, на цыпочках приблизилась к постели и простонала:

– Мама?

Ближайшая к ней перевязанная рука, безвольно лежавшая вдоль тела, слегка шевельнулась, и Тори нежно взяла ее в свои руки. Она почувствовала, как сильные пальцы Джекоба сжали ей плечо, давая силу и опору, и повторила тверже: – Я здесь, мама, Джекоб и я, мы оба здесь. Мы тебя не оставим.

Кармен прошептала что-то слабым голосом, и Тори посмотрела на доктора Грина, сидевшего с другой стороны постели.

– Что она говорит? – прошептала Тори.

– Замуж, – тихо повторила Кармен; словно еле слетело с его губ.

– Замуж? – удивленно переспросила Тори, вглядываясь в бледное лицо матери. – Не понимаю.

Кармен с усилием повела головой.

– Ты. Джекоб. Замуж сейчас. Здесь. – Ее потряс приступ кашля, и она не видела, как поражена была дочь ее словами.

Глаза Тори стали огромными, во все лицо, взгляд метнулся в сторону отца Ромеро, напряженно смотревшего на нее. К ее удивлению, священник повторил, доказывая, что она не ослышалась.

– Она хочет, чтобы вы двое поженились, стали мужем и женой перед ее смертью.

Долгие мгновения в комнате было слышно только трудное дыхание матери, но Тори казалось, что ее сердце стучит в висках. Она не могла поверить, что это происходит на самом деле. Ее собственная любимая мать хочет, чтобы она вышла замуж за Джекоба! Предсмертная просьба? Может ли она отказать матери в последнем желании? И вместе с тем, как может она с чистой совестью согласиться на это? Будет ли это честным по отношению к Джекобу и к ней самой ответить согласием? Слишком все внезапно, слишком быстро. Но времени на раздумье не осталось, она должна решать сейчас, сию минуту.

Кармен застонала, схватилась за руку Тори... и решение было принято.

– Да, мама, если Джекоб согласен, мы поженимся.

Руки Джейка судорожно сжали ее плечи. Кармен только что подарила ему исполнение самого заветного желания. Хотел бы он узнать, догадывается ли она, как сильно он этого хотел, как мечтал об этом. И все же он сомневался, правильно ли так вот принудить Тори к замужеству, к которому она не готова. Не во вред ли такая поспешность? Джейк всей душой желал Тори себе в жены, но он хотел, чтобы она пришла к нему по своей воле, с открытым сердцем, без всяких сомнений и оговорок. Но время истекло. Как в трансе, он услышал свой голос:

– Я согласен, мамачита. Я буду о ней как следует заботиться. Обещаю тебе это.

– Если вы соедините свои руки, мы начнем церемонию, – предложил отец Ромеро напряженным голосом.

– Здесь? Сейчас? – растерянно спросила Тори. – А как же оглашение?

– На это нет времени, дети. В таких обстоятельствах оглашение можно опустить.

Тори, сглотнув, удержала истерическое рыдание и дала понять, что согласна, вложив свою дрожащую ладонь в протянутую руку Джекоба. Так, перед смертным ложем ее матери, с доктором Грином и Розой в качестве свидетелей, она стала женой Джекоба. Стоя на коленях, в ночной рубашке, с короткими, торчащими во все стороны волосами и босыми ногами, она принесла обет любви, уважения и покорности, пока смерть не разлучит их. И Джейк, с голой грудью и тоже босой, одетый только в брюки, пообещал любить, лелеять и защищать ее во все дни совместной жизни.

Ни кольца, ни подвенечного платья, ни цветов. Только целомудренный поцелуй, и дело было сделано. Толпа счастливых друзей не поздравила их, под угрюмым взглядом доктора Роза со слезами обняла каждого из них. Но самая изысканная и пышная свадьба не принесла бы Тори такого удовлетворения, как донесшийся с подушек облегченный вздох матери, легкая улыбка, мелькнувшая на ее измученном болью лице, от которой оно на секунду стало почти молодым.

– Я люблю тебя, мама, – пробормотала Тори, целуя горячую щеку Кармен. – Я люблю тебя.

– Сделай его счастливым, – шепнула ей Кармен.

– Сделаю.

– Д... дай ему детей.

Тори покраснела до корней волос, но кивнула.

– Красивых детей, мама, которых ты будешь качать на своих руках, когда поправишься.

Джейк склонился к постели и легонько поцеловал Кармен в лоб.

– Отдохни теперь, мамачита. Не старайся больше говорить. Просто отдыхай и береги силы.

Они сидели с ней, пока она не заснула. В этот момент Тори запаниковала, решив, что мать умерла, но доктор тихо успокоил ее. Он предложил им с Джекобом попытаться отдохнуть и самим.

– Эта ночь может оказаться долгой, – объяснил он. – Если что-нибудь в состоянии Кармен изменится, я пошлю Розу разбудить вас.

Остаток своей первой брачной ночи они провели так же странно, как и начало: сидели, прижавшись тесно друг к другу, на диване в зале. Он, не говоря ни слова, держал ее в объятиях, понимая, насколько она растерянна, чувствуя ее боль. Он предлагал ей свои руки как защиту от этих переживаний, ласково гладил мягкий пушок ее стрижки своей большой загрубевшей рукой.

Постепенно она расслабилась, черпая спокойствие в его большой силе, отгоняя от себя неловкость, заставляющую видеть в нем незнакомца. Это был Джекоб, которого она знала и которому верила всю жизнь. Единственное, что отличало его теперь, это то, что он стал ее мужем. Но ведь он был тем же человеком, что и полчаса назад, как и она была той же самой женщиной. По крайней мере Тори уговаривала себя, что так оно и есть. Это помогало подавить нервозность, которая наваливалась на нее каждый раз, когда она представляла себя его женой. Ей нечего было его бояться. Джекоб никогда ее не обидит. Мама знала об этом. Мама хотела этого. Мама теперь была счастлива. Мама умирала.

Тори проснулась с затекшими и сведенными руками и ногами, они переплелись с длинными ногами Джейка. Оба были все еще на диване. Джейк растянулся на спине, а Тори полулежала на нем. Темные завитки волос на его груди щекотали ей нос с каждым его вдохом и выдохом. В какой-то момент этой долгой ночи они оба заснули. Теперь уже рассвело. Наступило утро, но никто не пришел разбудить их, и Тори задумалась, хорошо это или плохо.

Приподнявшись, но продолжая сидеть поперек бедер Джейка, она вытащила из-под его ног свои и одернула ночную рубашку. Но мысли ее были не о том, как они спали, обнявшись, и даже не об их поспешной женитьбе среди ночи. Ее голова прояснилась, и она гадала о том, здесь ли еще доктор Грин. Продолжает ли он наблюдать за матерью? Жива ли еще Кармен? Или умерла, пока Тори спала? Где сейчас отец Ромеро? Совершил ли он уже причащение? Что делает Роза? Почему никто не пришел и не разбудил их?

Она поглядела на лицо Джейка. Ее муж... как странно так думать о нем, после всех тех лет, когда она смотрела на него глазами младшей сестры, слушалась его, восхищалась им, обожала его до такой степени, что ни один мужчина не смог сравниться с этим идеалом. Даже во сне черты лица его были суровы, выросшая за ночь щетина только прибавляла им резкости. Лишь упавшая на лоб прядь волос придавала его лицу юношеский вид. Видимость юности, которую у него так внезапно и быстро украла.

Она протянула руки и нежно отвела упавшие волосы с его лица. Глубоко вздохнув, она задумалась, какие еще сюрпризы готовит день для них двоих. Право же, они получили достаточно потрясений, чтобы их хватило на всю оставшуюся жизнь.

Легко и осторожно соскользнув с него, чтобы не разбудить, Тори отправилась в комнату Кармен. Заглянув в дверь, она увидела в кресле рядом с кроватью поникшего доктора. Он тихо похрапывал. Ей пришлось собрать все свое небогатое мужество, чтобы приблизиться к постели, но когда она подошла, у нее вырвался вздох облегчения. Мать ее спала, и дыхание ее было гораздо легче, чем предыдущей ночью.

Розу она обнаружила на кухне за приготовлением завтрака отцу Ромеро. Когда она вошла, оба подняли на нее покрасневшие глаза, что свидетельствовало, что им обоим поспать не удалось. Пожалевав эту женщину, которая столько для них сделала, особенно в последнее время, Тори мягко предложила:

– Я могу сейчас заменить тебя, Роза, если ты хочешь отдохнуть.

Роза с благодарностью кивнула.

– Si, сеньорита Тори, – и тут же оборвала себя и поправилась: – Простите. Теперь уже сеньора Тори. Как это я забыла.

– Мне тоже, Роза, надо к этому еще привыкать, – смущенно пожала плечами Тори и с легкой улыбкой прогнала усталую женщину из кухни.

Она подала священнику его завтрак из яичницы с беконом и картошкой, а затем, налив им обоим по чашке крепкого кофе, застенчиво присела напротив за стол.

– Я хочу поблагодарить вас за все, что вы вчера сделали: пришли сюда среди ночи, чтобы побыть с моей матерью. Я уверена, что ваше присутствие помогло ей успокоиться.

Отец Ромеро нервно откашлялся:

– Сестра Эсперанса, – начал было он, но за тем, покраснев, с легким смешком оборвал себя. – Я хотел поговорить с вами о вашем внезапном замужестве прошлой ночью. Простите меня, если я вмешиваюсь не в свое дело, но у меня такое чувство, что вас принудила к этому материнская просьба, вы думали, что это ее последнее желание. Я знаю, вы были счастливы в монастыре, и поверь те, я понимаю: вас подвигла на такой шаг любовь к матери. Вы добрая и любящая дочь, но то, что вы сделали, можно отменить, если вас это не устраивает. Вы не обязаны оставаться женой сеньора Бэннера. Как только ваша мать поправится, я уверен, она поймет и откажется от своего желания, если этот брак делает вас несчастной.

От удивления Тори даже приоткрыла рот, ее огромные глаза уставились на священника.

– Вы предлагаете отменить брак? – пискнула она: слова эти буквально застряли у нее в горле.

– Si. Пока брачные отношения не завершены физически, брак может быть расторгнут, как если бы его вообще не существовало. Если вы этого хотите.

Джейк, незамеченный ими, стоял в дверях кухни со свирепым лицом. Он ждал ответа Тори на предложение священника с замиранием сердца. Казалось, оно поднялось к самому его горлу и грозило задушить. Ему хотелось ворваться в комнату, схватить за грудки отца Ромеро с его стула и избить до полусмерти, но что-то удержало его на месте. В глубине души он знал, что ему необходимо услышать ответ Тори. Его будущее... их совместное будущее... зависело от ее слов.

Тори медленно покачала головой, отказываясь от предложенного священником выхода:

– Нет, – проговорила она, и на другом конце комнаты сердце Джейка снова забило. – Я знаю, вы думаете о моем счастье, отец Ромеро, но я не могу так поступить. Это то, чего хочет для меня мама. По-моему, в глубине души она всегда этого хотела. Даже если она выздоровеет, а об этом я страстно молю Бога, она не перестанет мечтать о том, чтобы я дала Джейку детей. Я обещала ей и, если будет на то воля Божья, стану матерью. Я клятвенно отдала мою жизнь и любовь Джекобу и не возьму обратно своих обетов.

– Но таково ли и ваше собственное желание, Тори? – продолжал настаивать отец Ромеро. – Сможете ли вы быть счастливы замужем за этим мужчиной? Вы готовились быть сестрой-монахиней милосердия, а он стрелок, наемный убийца. Сможете ли вы когда-нибудь по-настоящему полюбить такого человека?

Улыбка медленно появилась на ее губах.

– Я уже люблю его, отец, – искренне ответила она. – Я всегда любила его.

– Но как брата, а не как мужа. Сможете ли вы любить его, как подобает жене?

И снова Джейк тревожно, едва дыша, ждал ее ответа.

– Это будет нетрудно. Джекоб – самый замечательный человек из всех, кого я знаю. Всю свою жизнь я сравнивала других мужчин с ним, и они проигрывали в сравнении. Возможно, это одна из причин, по которым я решила уйти в монастырь, потому что другие мужчины не могли соответствовать тем требованиям, образцом которых для меня всегда был Джекоб.

– Но ведь это было до того, как он стал стрел ком. Сможете ли вы жить с ним таким, каким он стал теперь?

Священник попал в точку, именно это больше всего тревожило Тори. В глубине души она не была уверена, что сможет выдержать, если Джекоб будет продолжать свои подвиги. Она ненавидела насилие. Ей становилось плохо при одной мысли об этом. Но Джекоб вернулся домой, чтобы остаться. Он уже принял на себя ответственность за ранчо. И наверняка больше кровопролитий не будет, у него больше нет причин убивать, и ей не придется бояться, что однажды убьют его самого. Если он постарается поставить на своем прошлом крест, то уж, конечно, и она сделает это.

– Я могу постараться, отец, – мягко промолвила она.

– А как же ваша работа с детьми? – настаивал священник.

– Джекоб – человек разумный, – сказала Тори в его защиту. – Он говорил мне, что я смогу заниматься с сиротами, если захочу. Когда мама выздоровеет.

Тори одарила его еще одной милой улыбкой:

– Пожалуйста, отец, не беспокойтесь обо мне. Все будет, как пожелал Господь. Возможно, это Божья воля, чтобы мы с Джекобом поженились. Возможно, мне никогда не было предназначено стать сестрой-монахиней, и Бог знал это все время, а мы с вами этого предвидеть не смогли.

– Вы мудры не по годам, – покачал головой молодой священник и улыбнулся ей в ответ. – Ваш муж – счастливый человек, достойную женщину получил себе в жены.

Джейк разделял эти чувства. Не часто обращался он к молитвам, но на сей раз молчаливо возблагодарил Бога и, попятившись, по-прежнему незамеченный, отошел от двери. Никогда не было у него так легко на сердце, как теперь, после ее ответов. Она решила остаться его женой! Она собирается иметь от него детей! Она призналась, что сравнивала других мужчин с ним и нашла, что они его не стоят!

Джейку хотелось петь, хотя он ни одной ноты не мог спеть правильно.

Они справятся! Их брак сработает! Он предпримет все, что в его силах, чтобы сберечь ее и сделать счастливой... и чтобы она никогда не пожалела, что стала его женой.

– Спасибо, Боже, – прошептал он еле слышно. – Спасибо тебе, Кармен. И спасибо тебе, Тори, мой собственный, мой любимый ангел!

ГЛАВА 7

Тори вошла в спальню и в удивлении остановилась.

– Анна, что ты делаешь?

Юная служанка обернулась и улыбнулась, продолжая вынимать белье Тори из комода.

– Доброе утро, сеньора Тори. Как чувствует себя ваша мама?

– Ей сегодня утром много лучше. Зачем ты вытаскиваешь мои вещи из всех ящиков?

– О! Сеньор Джекоб попросил меня помочь перенести их в вашу новую комнату... в его комнату. Вам-то самой, говорит, несподручно, наверняка вы просидите большую часть дня с мамой.

– Понимаю, – в замешательстве пробормотала Тори. – Что ж, полагаю, он прав. Спасибо, что сделала это за меня.

Тори в растерянности побрела обратно, даже не вспомнив, зачем шла в свою комнату. Слова Анны снова вернули ее мысли к суматохе прошлой ночи. Столько всего произошло и происходило в доме, Тори даже не подумала о том, что, будучи новобрачной, сегодня она впервые разделит постель со своим мужем. Теперь она больше ни о чем думать не могла!

В последующие несколько часов Тори превратилась в комок нервов. Куда делась спокойная, рассудительная, умная женщина, так уверенно говорившая утром с отцом Ромеро? Никогда еще не чувствовала она себя такой несмышленной и неуверенной в себе. Выросшая на ранчо, Тори не была совсем невежественной в вопросах продолжения рода, хотя ее познания ограничивались только животными. И даже это в очень урезанном объеме, потому что Рой старался оградить ее от этой стороны их быта, запретив ходить в конюшни и на выгоны, где покрывали кобыл, и старался чем-нибудь занять ее в период случки скота. Попытки его были не совсем успешны, но все-таки ее познаний в этой области, особенно в том, что касалось людей, совсем не хватало, и сейчас воображение рисовало ей какие-то фантастические картины.

Как ей хотелось поговорить с кем-то! Розу она не считала подходящей для таких распросов, хотя та и была близка с их семьей еще с младенческих ее лет. И прежние подруги Тори не навещали ее – то ли не зная, что она дома, то ли из уважения к болезни Кармен. Сама же Кармен была слишком больна, чтобы советовать ей, а к тому времени, как она поправится, советов не потребуются. Джекоб же явно намеревался разделить с ней постель сегодня.

Тори старалась занять голову другими делами. Хотя большую часть дня мать спала, Тори сидела у ее постели и все равно читала ей вслух. К середине дня она стала ерзать, как холостяк на чаепитии у старых дев. Отчаянно нуждаясь в каком-то активном занятии, она вытащила ведра, щетки, метлу с длинной ручкой и отправилась в библиотеку, которая служила еще и второй гостиной, и принялась чистить камин.

Она была все еще занята этим, когда Джейк вошел в комнату и, взглянув на нее, сразу же разразился хохотом:

– Чем ты, ради всего святого, занимаешься, дорогая моя? Вид у тебя, как у маленького трубочиста!

Тори насупилась, глаза ее сверкали зеленым огнем на черном от сажи лице. Волосы были прикрыты от грязи стареньким цветастым платком, но это не слишком помогло. Она была перепачкана с головы до пяток. Когда она открыла рот, чтобы язвительно ему ответить, зубы ярко блеснули на черном лице, и он снова закатился хохотом.

– Беру свои слова назад. Ты больше похожа на обезьянку шарманщика!

– Давай, давай, смейся, бегемот толстокожий! Ты же сам велел мне все чистить!

– Ах, милая, – проговорил он, пытаясь подавить смех, – не задирай свой черный прелестный носик. Я просто пришел сообщить тебе, что Кармен проснулась и хочет повидаться с тобой.

– Сейчас? Сию минуту? – огорченно воскликнула она, срывая с головы платок. Ее короткие темные кудри в беспорядке встали нимбом вокруг головы. Последовал еще один взрыв смеха:

– Я бы на твоём месте сначала как следует помылся. По крайней мере вымыл бы лицо, сладкая моя, а то мама тебя не узнает.

Собрав все свое пошатнувшееся чувство достоинства, Тори невозмутимо прошествовала мимо него.

– Постарайся взять себя в руки, Джекоб. Воз можно, я и выгляжу, как обезьянка, но ты ржешь, как конь.

Спустя несколько минут Тори уже стояла у материнской постели. Джейка тоже попросили прийти. На этот раз, однако, неотложной срочности не было.

Указав на столик рядом с кроватью, Кармен тихо сказала:

– Откройте, – и когда Тори сделала это, мать пробормотала: – Цепочка. Передай мне золотую цепочку.

Что-то мелькнуло у Джейка в голове, когда он смотрел, как Тори открывает ящичек ночного столика, – так быстро, что он ничего не успел сообразить.

Пошарив в ящичке, Тори нашла цепочку, которую мать всегда носила на нее. До пожара Тори никогда в жизни не видела, чтобы Кармен ее снимала. Вопреки ее ожиданиям, вместо распятия на цепочке болталось кольцо. Удивительно красивое изделие. Сверкающий квадратный рубин в серебряной филигранной оправе.

Кармен взяла кольцо и задержала в своей перевязанной руке, слезы блеснули в ее светлых глазах.

– Твой папа дал мне это кольцо, Тори, – прохрипела она. – В день нашей свадьбы. Со дня его смерти я носила его около сердца.

Слезы потекли по ее щекам, оставляя мокрые дорожки. Медленно, с глубоким благоговением она протянула цепочку Джейку.

– Я не могу расстегнуть замок.

Ловко раскрыв своими длинными пальцами крошечный золотой замочек, Джейк протянул кольцо Кармен, но она покачала головой.

– Только цепочку, Джекоб. Сними, пожалуйста, кольцо. – Кармен замолчала на мгновение, чтобы отдышаться, потом продолжала: – Я буду рада, если ты отдашь его Тори как обручальное.

Джейк не знал, что и сказать. По правде говоря, в эту минуту он не мог произнести ни слова, даже если бы от этого зависела его жизнь, так что он просто кивнул, и только глаза его сказали Кармен, как он растроган. Переведя взгляд на Тори, он увидел, что она чувствует то же самое. Она кусала дрожащие губы, чтобы не заплакать.

Под взглядом Кармен Джейк нежно взял руку своей подруги и надел ей на палец кольцо. Не отпуская маленькую ладошку, он поднес ее к губам и поцеловал тонкие пальчики, его теплые губы вызвали у нее мурашки по всему телу.

– Прими с любовью, Тори, – мягко проговорил он. – Навсегда.

Его глаза приковали к себе глаза Тори, сердце ее замерло в груди.

– Навсегда, – повторила она дрогнувшим голосом. Соленые слезы заструились по щекам, она перевела глаза с мужа на мать, сердце ее готово было разорваться.

Внезапно Тори поразила мысль, что второй раз за сутки она приносит торжественный обет в самом неподходящем наряде. Она венчалась в ночной рубашке, а теперь вот получила свое обручальное кольцо, одетая как уличный оборвыш. Платье ее все измазано сажей, волосы взлохмачены, и даже палец, который теперь украшало прекрасное кольцо, был грязным от копоти. Неужели, подумалось ей, все важные события в ее жизни будут проходить так? Дай Бог, чтобы дальше пошло иначе. Она почти вообразила себе крещение ребенка, на которое

она является в рванье и сапогах для верховой езды. Господи! Даже ее свадебная ночь прошла на диване!

Яркие пятна вспыхнули у нее на щеках, когда она вспомнила о предстоящей ночи. Перевалило уже за полдень, а ей совершенно не хотелось выглядеть трубочистом, когда Джейк предъявит свои права мужа.

Поцеловав мать в щеку, Тори высказала ей свою любовь и благодарность:

– Спасибо, мама. Кольцо такое же красивое, как ты. И я буду так же беречь его, как ты.

Затем она быстро извинилась: ей надо принять ванну и как следует вымыться. Ох, ну почему она взялась чистить камин именно сегодня?

Тори лежала в большой постели Джейка и дрожала от нервного ожидания. В голове у нее кружилось, а тело трясло так, что, казалось, до его прихода она уже вся рассыплется. Невыносимая пытка! Оглядывая комнату, Тори вспомнила, сколько раз, когда была совсем маленькой и боялась грозы, она забиралась в постель Джейка и пряталась под одеялом, прижимаясь к нему, пока не стихала буря. Теперь это казалось так далеко, так давно. Теперь комната выглядела чужой, а сводный брат стал ее мужем. Как получилось, что жизнь ее так резко и внезапно повернулась?

Тори почувствовала бы себя лучше, если б знала, что в это же самое время Джейк нервничал не меньше. Он ходил взад и вперед по внутреннему садику, не замечая, что топчет цветы, и затягивался сигаретой так, словно она была последней перед казнью. Он себя не узнавал – хладнокровный, жесткий стрелок, к тому же счет потерявший женщинам, с которыми спал, размяк до идиотизма.

Из всех женщин, с которыми Джейк имел дело, ни одна не была девственницей, и ему непереносима была мысль о том, что он причинит Тори боль. Он так давно хотел ее, но сейчас, когда этот момент приближался со всей неотвратимостью, Джейк Бэннер, несравненный любовник, направляясь к возлюбленной, представлял из себя сплошной комок нервов. Сможет ли он возбудить ее так, чтобы боль не показалась ей чрезмерной? Что, если она охладет и зажмется в последний критический момент? Может быть, сгодится бокал вина или бренди... немножко, только чтобы она расслабилась, но не опьянела.

Уже протянув руку к дверной ручке своей спальни, Джейк круто повернулся и направился в кабинет, к шкафчику с алкогольными напитками. По дороге он вытер со лба испарину и откинул волосы, еще влажные после ванны. Проклятье! Он вспотел, как свинья! И вдобавок чувствует себя как зеленый юнец перед своей первой женщиной!

Услышав за дверью шаги Джейка, Тори вся напряглась, а когда шаги удалились, чуть не сомлела от разочарования. Проклятье! Неужели он не понимает, как действует на нее это бесконечное ожидание? Если он сейчас не придет, она точно сорвется в истерику. То-то будет зрелище! Глаза ее снова прикипели к дверной ручке, она ждала и опять чуть не упала в обморок, когда эта ручка наконец повернулась.

Джейк тихо закрыл за собой дверь и едва не фыркнул при виде Тори с натянутой до подбородка простыней. Никогда в своих бесконечных фантазиях о том, как он застанет ее в своей постели, он такого себе не представлял. Он воображал ее в прозрачном французском шелке, льнущем атласе или совершенной нагой, но так... никогда. Ее широко открытые глаза цвета листьев мяты смотрели настороженно, пальцы так крепко вцепились в простыню, что суставы побелели. Сострадание охватило его, когда он понял, что если он просто нервничал, то она была в полном ужасе и совершенно не представляла, чего ей ждать.

Подойдя к постели, Джейк сел сбоку на краешек.

– Вот, – мягко произнес он, протягивая ей бокал вина. – Это немного поможет тебе успокоиться. Только не пей залпом, а то не успеешь оглянуться, как напьешься, словно пастух в субботнюю ночь.

От него не ускользнуло, что за обедом она только ковыряла в тарелке.

Тори сделала крохотный глоток и выдавила неуверенную улыбку.

– Спа... спасибо, Джекоб. Я знаю, с моей стороны глупо так нервничать, но ничего не могу с собой поделать.

Он взял ее другую руку в свои, согревая холодные пальцы.

– Бедный ребенок, – промурлыкал он. – Все случилось так быстро, что тебе наверняка кажется, будто ты в середине бегущего стада. Я понимаю, дорогая, совершенно естественно для невесты нервничать в свою первую брачную ночь. Я слышал, что так бывает всегда.

Пока Тори медленно потягивала вино, Джейк начал раздеваться. Сначала глаза Тори не отрывались от его пальцев, расстегивавших одну за другой пуговицы на рубашке. Широко открытыми глазами она наблюдала, как он, присев на край постели, стащил с себя сапоги и носки. Но когда его руки потянулись к пряжке брючного ремня, глаза ее снова опустились на зажатый в дрожащей руке бокал, да там и застряли. Она долго не отрываясь смотрела на мерцающую жидкость, пока Джейк не снял брюки и не залез к ней под покрывало.

Он не мог не рассмеяться в душе. С наигранным любопытством он наклонился к ее напряженному телу.

– Там что-то плавает, милая? – поддразнил он ее, заглядывая в бокал. Она не ответила, только покачала головой, но Джейк увидел в изгибе губ тень улыбки. Его глупая попытка пошутить достигла своей цели, и напряжение существенно разрядилось.

Он ласково разжал ее пальцы и, высвободив тонкую ножку бокала, поставил его на ночной столик рядом с постелью.

– Иди сюда, любимая, – пригласил он, обнимая ее и склоняя ее голову к своему плечу. – Давай немного полежим рядом, прижавшись друг к другу, хорошо?

Он почувствовал ее кивок, она с облегчением вздохнула, и тело ее слегка расслабилось.

Очень ласково Джейк начал гладить ее мягкие пушистые волосы.

– Они уже отрастают, – беспечно заметил он.

– Ровно через год ты и не вспомнишь, что они были острижены, – ответила она, и ее теплое дыхание защекотало Джейку голую кожу.

Ровно через год Тори может родить ему ребенка. Мысль эта ему понравилась, но он оставил ее при себе, не желая говорить ничего такого, что заставило бы ее снова занервничать, ведь она уже начала немного успокаиваться. Рука его скользнула ниже, лаская ее плечо и верхнюю часть спины через ситцевую ночную рубашку. Он нежно разминал напрягшиеся на шее и вдоль позвоночника мышцы. Ч А его губы, легко пробежавшись от макушки к виску, нашли пульсирующую жилку. Когда они припали к ней, он почувствовал, как сильно бьется ее сердце.

– Верь мне, ангел, – произнес он. – Ты же знаешь, я никогда не причиню тебе боли.

В ответ она подняла к нему лицо и посмотрела в глаза.

– Джекоб, ты держал меня за руку, когда я делала первые шаги. Ты учил меня ездить верхом на моем первом пони. Всегда, когда мне надо было научиться чему-то новому, ты показывал мне, что надо делать. И сейчас, – она прерывисто вздохнула, – ты должен показать мне, как стать женщиной, потому что я не знаю об этом ничего. Я не то чтобы боюсь, а скорее не уверена, как вести себя правильно.

Ее детская честность и абсолютная вера в него тронули его до глубины души.

– Просто расслабься, Тори, и позволь мне любить тебя, – сказал он. – Позволь мне гладить тебя и целовать. Это все, что от тебя требуется. Остальное предоставь мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.